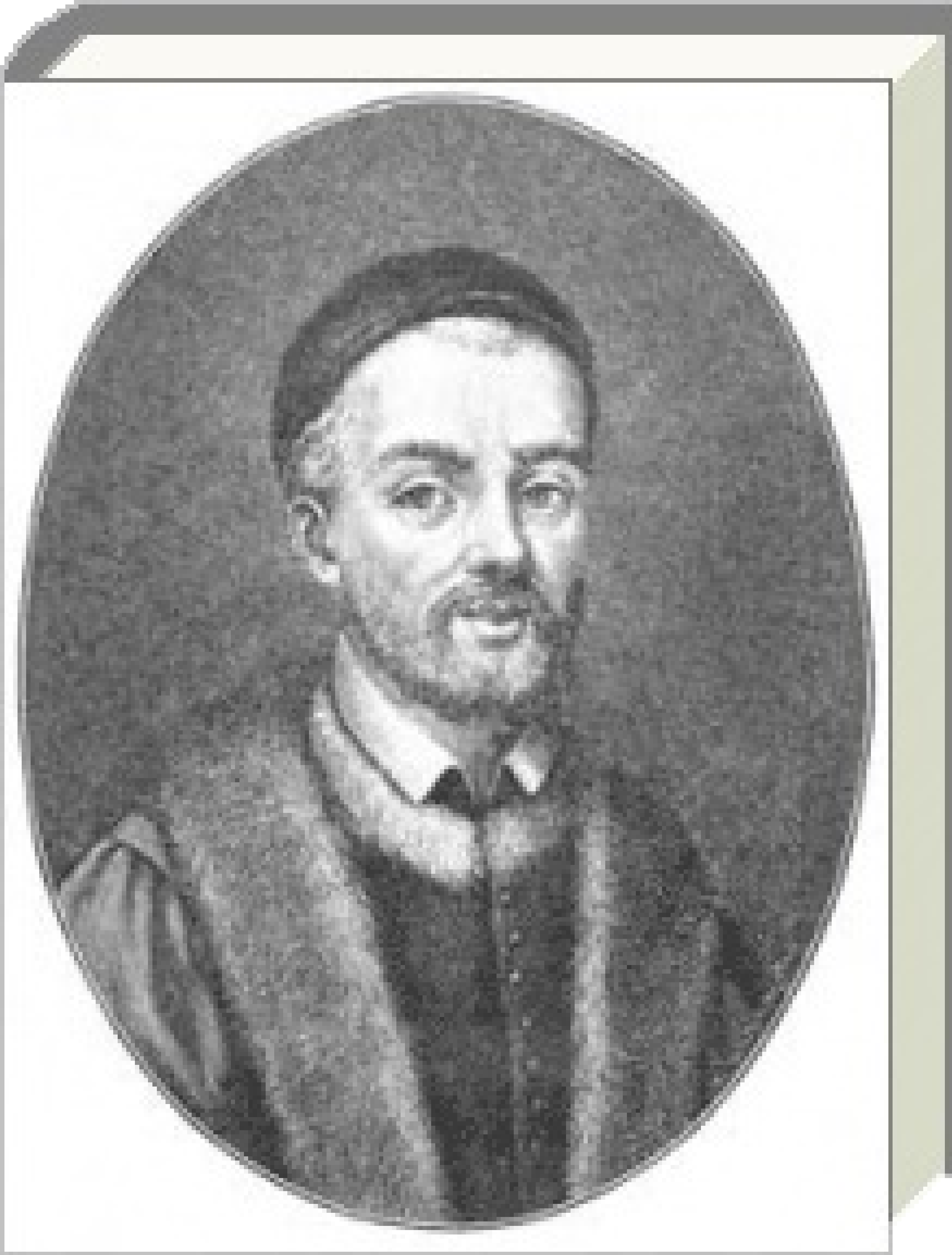

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы — профессия.

А. Н. Анненская

ФРАНСУА РАБЛЕ
ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Введение

Конец XIII и начало XIV века можно считать исходным пунктом новой истории. Два главных устоя средневековой жизни, феодализм и католичество, расшатались в своих основах, теряли свое первенствующее значение, принуждены были отступать и стушевываться под влиянием новых условий, новых факторов прогресса. Никакая новая доктрина не выдвигалась смело вперед на смену старым. Язвы, разъедавшие средневековый строй, незаметно, но неуклонно подтачивавшие его существование, гнездились внутри него. Новые учреждения возникали бок о бок со старыми и развивались независимо от них, по своим собственным законам. Рядом с непогрешимою, неограниченною властью папы возникала другая — светская власть, власть королей; рядом с крепкими феодальными замками вырастали города, возникали огромные торговые и промышленные предприятия, накоплялись богатства, нарождались поколения свободных, предприимчивых, умственно развитых граждан; рядом с невежественными, затупелыми монахами, не признававшими никакой науки, кроме богословия, доведенного ими до мелочного, чисто формального разбора текстов Священного Писания, являлись пытливые умы, стремившиеся проникнуть в тайны природы и человеческой души. Рядом с наивно-детской верою не только в догматы церкви, но и в самые нелепые предрассудки, credo quia absurdum est, пробивались робкие зародыши критической мысли, пытавшейся всё без исключения подвергнуть сомнению и анализу.

Открытия и изобретения, ознаменовавшие XV век, придали силу и жизненность вновь возникавшим явлениям. Смелые мореплаватели не только открывали новые земли, они вносили в сокровищницу европейской мысли новые понятия, новые взгляды на природу и на человеческие отношения. Книгопечатание сразу расширило круг людей читающих, бросило в массу знания и идеи, составлявшие до того собственность немногих избранных. С одной стороны, все более и более развивалась промышленная и торговая деятельность городов, с другой — крепла и мужала критическая мысль, дух исследования, отрицания установившегося догмата. В помощь молодой, едва возникшей науке «варваров» явились далеко опередившая ее наука арабов и долго лежавшие под спудом произведения классических авторов. Латинский язык в течение всех средних веков был органом и церковной, и ученой литературы, но дух и

смысл древних мыслителей исчез среди схоластической формалистики; многие драгоценные рукописи были уничтожены изуверами-монахами, видевшими в них отражение языческих понятий; тексты искажались невежественными, нерадивыми переписчиками. По мере того как научная мысль вырывалась из тесных монастырских стен и охватывала все больше и больше умов, возрастало уважение к классической древности. Светские люди не смотрели на древних философов, художников и поэтов как на обреченных на погибель язычников, а преклонялись перед ними как перед своими учителями и руководителями на пути знания и творчества. Они изучали греческий язык, чтобы в подлиннике читать греческих писателей, интересовались древними зданиями, статуями, камнями. На почве изучения древних и подражания им выросла новая наука, сбросившая с себя гнет монастыря; наука, ставившая себе целью путем свободного, ничем не стесняемого исследования изучить все, что могло быть доступно человеческому разуму, — наука гуманитарная (от слова homo — человек) как противовес средневековой теологии.

Италия, опередившая прочую Европу на пути как материального, так и умственного прогресса, явилась колыбелью этого нового направления, и из нее свет гуманизма разлился широкой волной по Франции, Германии, Англии. Гуманисты не пытались бороться против существующего строя ни политического, ни религиозного. Их идеалом был идеал личный, стоявший вне условий существовавшего порядка. Они смутно верили, что раз этот идеал будет достигнут большинством или хотя бы избранным меньшинством, раз личность явится вполне свободно мыслящею и умственно развитою, политическая неурядица, окружавшая их, сама собой исчезнет.

В делах религии они отличались полной индифферентностью и, в случае надобности, охотно подчинялись разным церковным обрядам. Эта видимая покорность обманывала близоруких служителей церкви, не видевших в гуманистах своих врагов, а между тем их индифферентизм, охватывавший все более и более широкий круг лиц, приносил церкви больше вреда, чем наиболее ожесточенные нападения гонимых ею еретиков.

Рядом с этим направлением росло другое, имевшее с ним мало общего, но столь же пагубное для средневекового католичества. Направление, которое можно назвать светским, буржуазным. Работавшая, богатевшая, вечно занятая мирскими заботами буржуазия ставила себе цели чисто земные, не имевшие никакого отношения к духовному миру. Ее идеалы были прямо противоположны идеалам монашества. «Труд

составляет цель человеческой жизни, — говорила она. — Это — тот закон, который Бог дал людям. Жизнь налагает на нас известные общественные обязанности; исполнять их лучше, чем молиться». Светский дух проникал во все сферы жизни, во все ее проявления: в искусство, в политику, в житейскую обстановку, в семейные отношения. Он, так же как и гуманизм, не поднимал никого на борьбу, но разъедающее действие его медленно и неуклонно подтачивало старое здание и способствовало движению прогресса.

Вслед за новым направлением жизни произошло изменение литературных форм. Народная поэзия, создававшая в средние века героические поэмы и легенды о благочестивых подвижниках, преобразилась в басню, в «животный» эпос, в фаблио, в роман, действующими лицами которого являются не святые и не герои, а простые смертные, даже вилланы (феодально зависимые крестьяне). Сатира, скромно ютившаяся в народных сказках и песнях, смело выступила вперед и мало-помалу наложила руку свою на все, что за несколько веков перед тем являлось предметом благоговейного уважения. Орудиями ей служили и перо, и кисть, и резец. Вместо любовных песен менестрели распевали на площадях сатирические куплеты, в церковные мистерии вставлялись тирады против испорченности нравов, в соборах появлялись барельефы со сценами из сатирического романа Рейнеке-Фукса, аббаты и монахи с церковной кафедры осмеивали пороки не только своих прихожан, но и высших сановников церкви, прелатов и кардиналов. Сатира не щадила никого и ничего: геройские подвиги рыцарей, показная добродетель ханжей, самовластие королей и гордых баронов, жадность и скупость разжиревших торгашей, невежество и плутоватость крестьян — все возбуждало ее смех, ее подчас едкий сарказм.

Но главным предметом ее обличений являются духовные лица всех званий, начиная с простого монаха и сельского священника до святейшего папы.

В фаблио католические монахи обыкновенно изображаются лицемерами, развратниками, обжорами, донжуанами низшего разбора; они вносят разлад в семью и постоянно подвергаются палочным ударам отцов и мужей обольщенных ими женщин.

Среди усиливавшегося разложения средневековых учреждений, среди мертвящего догматизма школы и церкви сатира являлась наиболее удобным выражением свобод ной мысли, ареной, на которой критический ум находит простор для своей деятельности. И в то время как трудолюбивые поиски истины учеными мыслителями подозревались в

ереси, преследовались, могли привести к лишению свободы и даже жизни, легкомысленное подсмеивание над всем и всеми встречало всюду снисходительную улыбку.

Сатирическое направление литературы возникло впервые в Италии. Заимствовав из Франции форму фаблио (итальянская novella), итальянцы еще в XIII веке придали этим легким рассказам, преимущественно из современной жизни, обличительный характер. Итальянские новеллы отвергали всякий авторитет в старом строе, бичевали представителей и духовной, и светской властей, иронизировали над геройскими похождениями отживавшего свой век рыцарства и над мелочною скаредностью нарождавшейся буржуазии. Вместе с распространением просветительных идей в Европе шло и развитие сатирического направления в литературе. Передовые гуманисты облекали в сатирическую форму свои мысли, чтобы, с одной стороны, сделать их более популярными, более доступными большому кругу читателей, с другой, — чтобы высказать такие идеи, которые без покрова смеха и аллегории привели бы авторов на костер. В Германии появились «Похвала глупости» Эразма Роттердамского и «Письма темных людей», в Англии — «Утопия» Томаса Мора.

Во Франции достойным представителем гуманистической сатиры является в XVI веке Рабле. Рабле был искусный врач, полигност, изучавший и древние языки, и право, и естественные науки, успевший внести нечто новое во все отрасли знаний, которым отдавался. Но слава его основывается главным образом на большом сатирическом романе, написанном им. Роман этот не представляет какого-нибудь цельного произведения, написанного по строго задуманному плану. Он, очевидно, создавался урывками, без всякой руководящей идеи. «Он отлично знает, что говорит, но не всегда знает, что скажет дальше», — заметил Бальзак о Монтене, и отзыв этот как нельзя более подходит к Рабле. В его романе беспрестанно встречаются длинноты, отступления, вводные эпизоды, он иногда забывает, о чем хотел рассказать и подолгу останавливается на описаниях и сценах, бесполезно замедляющих ход действия и не имеющих отношения к его главным героям. Он писал, как писалось, часто вставлял в свой рассказ события из современной жизни, изображал под весьма прозрачными масками всем известные личности, иногда нарочно прибегал к шаржу и уродствам, колоссальным преувеличениям, чтобы иметь возможность высказать какую-нибудь смелую мысль.

У Рабле нельзя искать какого-нибудь определенного идеала будущего, лучшего общества. Он жил в переходную эпоху, когда, с одной стороны,

рушились старые устои, с другой — появлялись еще неопределенные очертания новых. Первая половина его жизни протекла среди «весеннего» периода Возрождения. Новые освободительные идеи проникали всюду, но оставались в виде теории, мечты, не сталкиваясь еще с жизненною практикой. В их победоносную силу слепо верили, но еще никто не представлял себе практически всех последствий этой победы. Ими увлекались и короли, и высокопоставленные прелаты, нисколько не думая проводить их в жизнь.

Рабле ясно видел недостатки настоящего, но, подобно прочим гуманистам, смутно сознавал, что должно быть сделано для водворения иного, лучшего порядка и в какой форме выльется этот порядок. Он зло осмеивал не только пороки католического духовенства и суеверия масс, но иногда даже основные положения религии; он с негодованием отворачивался от узкой нетерпимости и догматизма возникающего в его время протестантства, а взамен исповедовал какой-то неопределенный деизм, какое-то отвлеченное христианство. Он проклинал деспотизм, находил, что, кроме зла, тот ничего не приносит, и в то же время изображал добродушных, разумных государей, любимых народом, распространяющих вокруг себя благие деяния. Одно, что представляется Рабле безусловно необходимым, — это свободное, всестороннее развитие личности. Пусть каждой отдельной личности предоставлено будет право жить полною жизнью как тела, так и духа; пусть ничто не сковывает пытливости ума, полета мысли — остальное все приложится само собою, — это общее мнение гуманистов он разделял вполне. И там, где Рабле говорит о воспитании личности, он является передовым мыслителем, педагогом, значительно обогнавшим свой век. Основные положения его воспитательной системы повторены и разработаны гораздо позднее Локком в его «Thougts concerning education» и в «Эмиле» Руссо. В противовес схоластической методе, заботившейся исключительно о формальном умственном развитии ученика посредством книжного обучения, Рабле, подобно своим знаменитым последователям, отводит широкое место физическому развитию, прогулкам, играм на открытом воз духе и гимнастическим упражнениям. Он не отрицает, подобно Руссо, пользы науки, не говорит, как Локк, что научное образование необходимо исключительно ради развития характера; но ставит нравственное усовершенствование выше умственного, находит, что, увеличивая сумму знаний и самостоятельность мыслительной способности, следует всегда иметь в виду влияние их на характер человека. Рабле был одним из первых проповедников наглядности в преподавании, необходимости облегчать

ученику усвоение знаний, возбуждать в нем интерес к явлениям жизни и природы. Его Гаргантюа за два века до Эмиля посещает мастерские ремесленников и представления фокусников, чтобы ознакомиться со способами различных производств, и занимается физическим трудом. Современники зачитывались романом Рабле. Всякий находил там то, что ему было по вкусу и пониманию: одних пленяли сатирические выходки и смелые мысли автора; других — фантастичность рассказа, причудливая смесь человеческих и исполинских форм, реальных и утопических отношений; третьих увлекала веселость автора, его задорный, нередко циничный смех. В XVI веке вышло до 60 изданий его романа. В XVII веке, в период развития монархизма в сфере государственной, авторитета в сфере мысли, салонного приличия в литературном языке, Рабле был забыт. Восемнадцатый век, вернувшийся к заветам шестнадцатого, вспомнил одного из поборников освободительных идей. Но та форма, в которой выражаются эти идеи у Рабле, служила для многих препятствием к пониманию их. Грубые шутки, циничные выходки и чревоугодие героев Рабле отталкивали от него благовоспитанных философов парижских салонов; Лафонтен и Мольер увлекались Рабле, но Вольтер не смел признаться, что зачитывается им. Разбирая его роман, он удивляется, как могла быть издана книга, наполненная такою грязью, таким кощунством над самыми священными предмета ми, — и в то же время не обинуясь цитирует в своей статье наиболее грязные, наиболее кощунственные места романа.

Правильное понимание Рабле в значительной степени затемнялось еще тем, что как современное ему поколение, так и позднейшие пытались непременно отыскивать в его романе аллегорические изображения разных лиц и событий. Ходило даже несколько различных ключей для объяснения этих аллегорий. Так, в Грангузье видели Людовика XII, в Гаргантюа — Франциска I, в Пикрошоле — Карла V; в рассказе о топорах, которые дровосеки спешат потерять, чтобы получить от Юпитера серебряные, — намек на готовность французских дворян уступать своих жен королю, и т. п. Все подобные толкования явно натянуты и не выдерживают ни малейшей критики. Некоторые эпизоды в романе, правда, навеяны автору современными событиями, но совершенно нелепо представлять весь роман как какой-то аллегорический пересказ исторических фактов.

Новейшие историки литературы отвергли все подобные объяснения произведения Рабле, отказались равным образом и судить его с точки зрения современных нам вкусов и литературных нравов. Применяя к оценке его единственный правильный метод — исторический, они видят в

Рабле одного из наиболее ярких и талантливых представите лей эпохи Возрождения и того сатирического направления, которое своим беспощадным смехом пядь за пядью подкапывало основы отживавших свой век учреждений.

ГЛАВА I

Происхождение. — Школа. — Францисканский монастырь. — Занятия и знакомства. — Греческий язык. — Преследования. — Переход к бенедиктинцам. — Епископ Мальзе. — Научные занятия. — Дружеский кружок

Несмотря на то, что Франсуа Рабле занимает одно из почетных мест в истории французской литературы и принадлежит к числу передовых мыслителей XVI века, мы не имеем вполне достоверной и подробной биографии его. О его жизни и характере сохранились краткие, отрывочные сведения; часто биографы отождествляют его с героями его произведений и изображают как гуляку, пьяницу, вечно веселого буффона, для которого нет ничего святого; о нем рассказывают массу анекдотов, неправдоподобность которых бросается в глаза с первого взгляда. Самый год его рождения в точности неизвестен: одни считают, что он родился в 1488 году, другие — в 1490-м, третьи — даже в 1495 году. По-видимому, второе из этих предположений заслуживает наибольшего вероятия. Профессия отца его также подвергается сомнению: одни говорят, что он был кабатчик и трактирщик, другие называют его аптекарем. Во всяком случае достоверно, что он принадлежал к мелкой буржуазии города Шиннона в Турени и владел виноградником в окрестностях этого города. Честолюбие, весьма распространенное среди мелких буржуа того времени, мечтавших о епископских мантиях и кардинальских шапках для своих детей, заставило его посвятить Богу младшего из своих сыновей. Он поместил маленького Франсуа в аббатство Севильи, лежавшее рядом с его виноградником, а затем перевел его в монастырь Бомет около Анжера. Там мальчик должен был обучаться всему, что требовалось от образованного монаха, и в то же время готовиться к принятию духовного сана.

До нас не дошло сведений о том, какая жизнь велась в Бомете. В произведениях Рабле мы не находим ни одного указания на то, чтобы нравы его учителей отличались большею строгостью и воздержанностью, чем нравы про чих монахов, пьянство и распущенность которых служили неисчерпаемой темой для сатир народных писателей Франции, начиная с XIII века. Но несомненно, что в одном отношении боместкие монахи заслуживали одобрения: они заботились об умственном развитии своих

учеников, они не заглушали в них духа пытливой любознательности. Монастырские школы того времени были рассадниками просвещения в Европе. Они подготовили те светлые умы, которые явились поборниками знания, свободы, прогресса, врагами насилия и мракобесия. Школа Бомета могла гордиться многими из своих учеников: товарищами Рабле были, между прочим, братья Дю Белле, игравшие видную роль в истории Франции, и Жофруа д'Этиссак, впоследствии епископ Мальзе.

В Бомете Рабле принял монашество и затем, неизвестно вследствие каких причин, перешел в монастырь францисканцев в Фонтене-ле-Конт, в Пуату. Тут он окончил срок своего послушничества и, пройдя все установленные градации, получил священство в 1520 году.

В то же время научные занятия его не только не прекращались, а напротив, продолжались с усиленной энергией. Среди францисканцев он встретил несколько человек, подобно ему преданных науке, жаждавших знания. Он увлекся изучением астрономии, которая к этому времени окончательно отделилась от астрологии и в качестве самостоятельной науки привлекала умы ученых. Благодаря знаниям, заимствованным у арабов, математика быстро двинулась вперед, и это дало возможность строить астрономические выводы на более прочном основании. Вера в старые теории, для которых Земля являлась центром Вселенной, колебалась. В Италии, в Германии ученые делали наблюдения и открытия, которые должны были с полною очевидностью доказать ее несостоятельность; во Фрауенбурге скромный каноник Николай Коперник в тиши подготовлял свой великий трактат «О круговращении небесных тел», не решаясь еще предать его гласности.

Ключом ко всякому знанию служили в то время древние языки. Все научные сочинения писались не иначе как на латыни. Еще в Бомете Рабле научился совершенно свободно владеть этим языком, а теперь стал усердно заниматься греческим. В итальянских университетах греческий язык и греческая литература давно уже считались одним из главных предметов преподавания, а с введением книгопечатания и с распространением печатных экземпляров греческих классиков знакомство с ними вышло за пределы тесного круга цеховых ученых и приобрело значительную популярность среди образованного общества. Во Франции дело обстояло иначе.

В самом начале XIII века несколько духовных лиц были изобличены в еретических мнениях, и причиною этой ереси папское правительство признало знакомство их с произведениями древних мыслителей. Вследствие этого в статутах, данных Парижскому университету папами,

воспрещается чтение Аристотеля.

Парижский университет долгое время питал суеверный страх к греческому философу, а заодно и всякое занятие греческим языком считалось еретическим. Во французских коллегиях XV и даже XVI века греческий язык вовсе не преподавался. Рабле и его друзья должны были тщательно скрывать свои греческие книги от прочей монастырской братии, чтобы не подвергнуться обвинению в вероотступничестве, в ереси. К счастью, они нашли друзей вне монастырских стен.

Один из товарищей Рабле по бометской школе, Жофруа д'Этиссак, благодаря влиянию и аристократическим связям своего отца был двадцати трех лет назначен епископом Мальзе, недалеко от монастыря Фонтене-ле-Конт. Молодой человек воспользовался своим высоким положением и соединенными с ним денежными выгодами, чтобы устроить себе самостоятельную жизнь вполне по своему вкусу. Один из современников говорит, что жизнь епископа Мальзе была идеалом гостеприимства и непринужденной веселости.

В его епископском дворце ничто не напоминало духовного звания хозяина; общество, собиравшееся у него, состояло главным образом из молодых ученых-гуманистов, и для их смелой мысли, для их острого слова не было запрещенных вопросов. Рабле являлся постоянно желанным гостем в этом кружке, перед которым ему не приходилось таить ни своих занятий, ни своего образа мыслей. Кроме того, у него были и другие, чисто светские знакомые в городе: юристы Жан Бриссон, Эмери Бушар, впоследствии советник и докладчик короля, Андре Тирако, судья, а впоследствии советник парижского парламента; они высоко ценили его знания и в своих письмах не раз называют его «самым ученым из францисканских братьев», «знатоком латинского и греческого языков», «человеком сведущим во всех науках».

Вероятно, отчасти под их влиянием Рабле принялся за изучение права и приобрел даже некоторую известность как сведущий законовед.

Занятие греческим языком послужило поводом к сношениям скромных францисканских монахов с известным в то время ученым, эллинистом Гильомом Бюде, основателем фонтенеблоской библиотеки и College de France. Сохранилось несколько писем, которыми Бюде обменялся с Рабле. Эта вполне дружеская полушутливая переписка, веденная наполовину по-латыни, наполовину по-гречески, показывает, с одной стороны, как свободно владел Рабле обоими этими языками, с другой, — с каким уважением относился знаменитый парижский ученый к безвестному еще в то время монаху.

Между тем начальство францисканского монастыря очень косо смотрело на ученые занятия и на светские знакомства Рабле и его друзей. Придравшись по какому-то пустому поводу, настоятель произвел обыск в их кельях: найдены были греческие книги, и набожные отцы пришли в ужас.

Заниматься греческим языком могли или еретики, или люди, готовые впасть в ересь, и надобно было пресечь зло в самом начале. Подозрительные книги были отобраны и торжественно сожжены, а против виновных начался целый ряд мелких преследований. Лами, друг Рабле, спасся из монастыря бегством. Рабле не успел последовать этому примеру и был заключен в монастырскую тюрьму. Чтобы оправдать эту жестокую меру, монахи стали рас пускать слухи о том, что он богохульствует и кощунствует, что он непочтительно отзывается о святых и их чудесах, что он опаивает братию какими-то зельями, располагающими к греху; они рассказывали, будто бы в день Св. Франциска, патрона монастыря, он забрался в церковь, снял с пьедестала статую святого, сам стал на ее место и позволил себе разные неприличные поступки.

Знакомые Рабле не верили ни одному слову из всех этих нелепых слухов и боялись, как бы ожесточенные монахи не погубили окончательно молодого ученого. Епископ Мальзе и Тирако сообщили Бюде, пользовавшемуся милостью короля, о грозившей Рабле опасности и сами поспешили к нему на помощь.

В качестве судьи Тирако удалось проникнуть в монастырь и добиться освобождения узника, а епископ выхлопотал ему у папы Климента VII разрешение оставить орден францисканцев и перейти к бенедиктинцам. Рабле получил звание каноника в аббатстве Мальзе и место частного секретаря епископа. Этим эпизодом закончилась его монашеская жизнь, продолжавшаяся целых 15 лет. В качестве секретаря он мог постоянно жить в епископском дворце, не подчиняясь никаким монастырским уста вам, пользуясь полной свободой в своих занятиях. Теперь ничто не мешало ему отдаваться науке, и он действительно посвящал ей почти все свое время. Продолжая читать классиков и делать из них переводы, он, кроме того, стал усердно заниматься естественными науками, преимущественно ботаникой и химией, изучать еврейский язык и знакомиться с новыми языками: итальянским, испанским, английским.

Такая разносторонность занятий была в духе того времени. Отдельные отрасли знания еще не достигли той степени разработки и специализации, какой они отличаются теперь. Количество опытов и наблюдений было крайне скудным, самые приемы и способы производства их находились в

зачаточном состоянии; ученых интересовало не подробное исследование того или другого частного вопроса, а общие положения, общая система знаний, и каждый отдельный факт служил только для иллюстрации общего положения.

Кроме кружка гуманистов, группировавшегося вокруг епископа Мальзе, другой подобный же кружок, где Рабле был также своим человеком, образовался возле Гильома Дю Белле в Ланже. Эти кружки поддерживали самые деятельные связи друг с другом и с другими подобными же кружками во Франции, Германии и Италии; члены их вели между собою переписку, обменивались книгами и рукописями, пользовались каждым случаем для личных бесед. Среди опустошительных войн, разорявших государства Западной Европы, среди жестокого фанатизма, при помощи которого католичество пыталось защищать свои колебавшиеся основы, эти кружки гуманистов, космополитов по политическим убеждениям и веротерпимых до индифферентизма по религиозным, являлись светлыми оазисами, в которых укрывались свободная мысль, научное исследование, дух смелой критики.

ГЛАВА II

Монпелье. — Вступление. — Курс. — Поездка в Париж. — Неправдоподобный анекдот. — Театральные представления. — Поездки в Тигры. — Первые сочинения. — Лион и типографии. — Письмо к Эразму Роттердамскому. — Связи с кружком Маргариты

Спокойная, привольная жизнь во дворце епископа Мальзе ненадолго удовлетворила Рабле. Занятия естественными науками возбудили в нем желание прослушать курс медицины и с этой целью он отправился в Монпелье, медицинский факультет которого пользовался в то время заслуженной известностью. О пребывании его в этом университете сохранилось несколько более или менее правдоподобных рассказов. Говорят, что при самом поступлении своем он сразу выделился из общего уровня слушателей. Приехав в Монпелье, он в тот же день отправился в университет. Там происходил в это время публичный диспут о лекарственных свойствах некоторых трав. Рабле приготовился скромно слушать, но некоторые тезисы диспутантов показались ему несогласными с новейшими открытиями науки, самое ведение диспута раздражало его своею вялостью и мелочной придирчивостью. Он стал явно выказывать признаки нетерпения. Декан факультета заметил их, обратил внимание на почтенную наружность вновь прибывшего слушателя («personae majestas», как называет его Антуан Леруа, писавший о нем в XVII столетии), узнал имя его, уже успевшее приобрести известность в ученом мире, и предложил ему принять участие в диспуте. Рабле сначала отказывался, говоря, что не решается мешаться в спор ученых докторов, но после усиленных просьб согласился говорить и высказал свое мнение по поводу вопросов, подлежавших диспуту. Речь его была так блестяща и красноречива, он выказал такие глубокие познания о жизни и свойствах растений, такие широкие взгляды на природу вообще, что вся аудитория пришла в восторг. Диспутанты, забыв свои разногласия, дружно приветствовали его громкими рукоплесканиями. Рабле провел в Монпелье около двух лет в роли студента и в то же время лектора. В архивах Монпельевского университета сохранились записи от 16 сентября 1530 года, в которых значится, что «Франсуа Рабле из Шиннона поступает на факультет для изучения медицины под руководством достославного

доктора медицины Широна (Schyron) и обязуется подчиняться всем статутам вышеупомянутого факультета», а запись от 1 ноября 1530 года отмечает, что тот же Франсуа Рабле получил звание бакалавра. Занимаясь под руководством медиков Монпелье, Рабле и сам читал лекции, на которые сходилась многочисленная блестящая аудитория. Краеугольными камнями медицинской науки того времени считались сочинения Гиппократа и Галена. «Одна запятая, прибавленная, зачеркнутая или не на месте поставленная, может стоить жизни нескольким тысячам людей», — пишет Рабле об этих книгах. А между тем при переписке и перепечатке их вкрались многие ошибки, значительно искажавшие текст. Рабле основательно изучил их еще до своего приезда в Монпелье; ему удалось заполучить древнюю рукопись, на основании которой он исправил погрешности, вкравшиеся в общераспространенное издание «Афоризмов» Гиппократа. В своих лекциях он пред ставил подробные комментарии как этой книги, так и «Ars parva» Галена.

Серьезно занимаясь наукой, бакалавры и профессора Монпельевского университета не пренебрегали и развлечениями. Ни клубов, ни общественных театров в то время не существовало. Первые заменялись дружескими беседами у того или другого гостеприимного амфитриона; чтобы пользоваться драматическими представлениями, любители должны были сами заботиться об устройстве их. И вот важные докторанты и ученые члены факультета затеяли дать представление, не только не имевшее ничего общего с наукой, но, напротив, представлявшее в комическом свете людей их профессии — врачей. Душою предприятия был Рабле: он сам сочинил или, вернее, переделал с итальянского пьесу и сыграл в ней одну из главных ролей. Пьеска эта, послужившая впоследствии Мольеру канвой для его «Le medecin malgre lui»,[1] — обыкновенный фарс во вкусе итальянских народных комедий того времени. Муж просит врачей вылечить его немую жену. Врачи возвращают ей дар слова, но при этом она делается настолько болтливой, что приводит в отчаяние мужа, который снова обращается к врачам. Но у них нет лекарства против женского языка, они могут сделать только одно: превратить мужа в глухого. Жена, замечая, что муж не слышит ее разговоров, приходит в бешенство. Врачи требуют у мужа платы, он отвечает им, что глух и не слышит их слов; в отместку они сводят его с ума; в припадке безумия муж вместе с женой набрасываются на врачей и избивают их до полусмерти.

Кроме театральных представлений, Рабле охотно отдыхал от своих занятий, предпринимая небольшие поездки по морю. Сотоварищ его по

университету, прославившийся впоследствии своим сочинением о рыбах, Ранделе, делал в это время ряд наблюдений над обитателями моря, и Рабле усердно помогал ему, дополняя его наблюдения теми сведениями, какие можно было найти у древних авторов.

Для собирания и исследования разных лекарственных трав и растений он несколько раз ездил на Гиерские острова, и они пленили его своим красивым местоположением и мягким, приятным климатом. Часто в письмах к друзьям он стал подписываться «Франсуа Рабле, старшина Гиерских островов» и даже употребил это прозвище в заголовке третьей части своего романа, написанной гораздо позднее.

Биографы Рабле рассказывают, что ему удалось оказать одну важную услугу Монпельевскому университету. Одна из принадлежавших этому университету коллегий была закрыта во время войн предшествовавших королей, и для восстановления ее необходимо было получить разрешение канцлера Дюпре. Чтобы выхлопотать это разрешение, университет избрал своим уполномоченным Рабле. Рабле явился в Париж, но никак не мог добиться свидания с канцлером. Тогда он решился прибегнуть к хитрости: надел на себя какой-то фантастический костюм и пошел прогуливаться под окнами канцлера. Вокруг него собралась толпа зевак, и на их вопросы, кто он такой, он объяснил, что приехал драть шкуру с быков и может содрать шкуру со всякого, кто пожелает. Это увеличило любопытство и оживление толпы. Канцлер выслал своего слугу узнать, что это за сборище перед его окнами и что это за человек в странном костюме. На вопрос слуги Рабле отвечал по-латыни. Тогда слуга позвал клерка, знавшего этот язык; с тем Рабле заговорил по-гречески; со следующим посланным — по-еврейски; потом по-английски, по-итальянски, по-испански, пока, наконец, канцлер не за интересовался этим странным человеком и не пригласил его к себе. Тогда Рабле сбросил шутовской наряд и в длинной речи на самом изящном французском языке изложил канцлеру просьбу Монпельевского университета. Канцлер пленился его умом и красноречием и согласился исполнить просьбу университета. Предание не останавливается на этом. Оно рассказывает, какую награду получил Рабле. В ознаменование его ученых трудов и оказанной им услуги совет университета постановил, что всякий кандидат при защите докторской диссертации обязан надевать плащ Рабле из красного сукна, с круглым воротником и буквами F. R. C. (Francisais Rabelais Chinonensis). Подобный плащ, по словам некоторых биографов, существовал в Монпельевском университете даже в XVIII веке, но тогда изображенные на нем буквы объяснялись иначе. Ходило предание, что когда плащ Рабле пришел в сильную ветхость, один из

канцлеров университета заменил его новым с теми же буквами, случайно оказавшимися его собственными инициалами, и последующие поколения докторантов стали читать эти буквы как «Francisais Ranchinus Cancellarius».

В Монпелье Рабле пробыл недолго, и в 1532 году перебрался в Лион, куда его привлекали тамошние богатые типографии. Типографское дело, которое не насчитывало еще сотни лет своего существования, было в XVI веке не ремеслом, а искусством и даже, можно сказать, в значительной степени подвигом на благо человечества. Круг читателей был сравнительно невелик, издержки печатанья очень высоки, и типографщикам часто приходилось работать в убыток, чтобы спасти от истребления какие-нибудь древние рукописи или подарить свету изящное художественное издание. Кроме того, хозяин типографии считался ответственным за всякую книгу, которая у него печаталась. Если эта книга возбуждала малейшее подозрение в ереси, ему грозил арест, заключение в тюрьму, даже смерть. Рабле особенно близко сошелся с Этьеном Доле, знаменитым гуманистом, типографщиком, издателем и поэтом. Кроме того, он работал при типографиях Себастьяна Грифа, Франсуа Жоста и приготовил к печати несколько серьезных трудов по медицине, археологии и юриспруденции. В 1532 году он издал «Медицинские письма» Джованни Манарди Феррарского, посвятив их своему другу и избавителю от монастырской тюрьмы Андре Тирако. В этом посвящении он жалуется на людей, которые закрывают глаза, чтобы не видеть успехов наук и искусств и остаются погруженными во мрак готического века, не умея или не желая поднять глаза к сияющему солнцу.

Затем он издал в одном томе форматом in 16R «Афоризмы» Гиппократа и «Ars parva» Галена в латинских переводах с комментариями и ссылками на греческий текст. В посвящении этой книги Жофруа Д'Этиссаку, епископу Мальзе, он говорит о том курсе, который читал в Монпелье, и о поправках, которые мог внести в эти переводы благодаря очень хорошей греческой рукописи, находившейся в его руках. «Типографщик Себастьян Гриф, — продолжает он, — человек замечательно образованный и искусный в своем деле, увидев мои заметки, усиленно убеждал меня позволить ему издать их в свет для общей пользы учащихся. Гриф имел давно намерение сделать издание этих древних медицинских книг с той несравненной тщательностью, какую он прилагает ко всему, что делает. Ему нетрудно было получить от меня желаемое. Трудно и кропотливо было только расположить тексты и примечания в форме элементарного учебника».

Отношения Рабле о гуманистами были по-прежнему оживленными.

Сохранилось письмо, писанное им к не коему Бернарду Салиньяку, личность которого не определена с достоверностью, но по некоторым данным можно заключить, что это был не кто иной как Эразм Роттердамский, который в это время готовил свое возражение Алеандру, считая его автором едкой критики на «Похвалу глупости», появившейся за подписью Скалигера.

«Бернарду Салиньяку приветствие именем Христа! Жорж д'Арманьяк, достославный епископ Родеза (впоследствии кардинал-архиепископ Тулузы и Авиньона) прислал мне недавно Флавия Иосифа с просьбою во имя нашей старой дружбы переслать его вам, как только я найду достойное доверия лицо, которое будет отправляться в место вашего пребывания. Я поспешил воспользоваться, мой отец в гуманности, этим случаем, чтобы засвидетельствовать, какое почтение, какую благодарность питаю я к вам. Я сказал „мой отец“; мне следовало сказать „моя мать“, если бы вы снисходительно разрешили мне это. То, что обыкновенно делают матери, — которые, еще не видя плода своей утробы, питают его и предохраняют от сурового влияния воздуха, — то вы сделали для меня; вы меня воспитали, меня, личность которого была вам неизвестна, имя которого было темно; вы открыли мне целомудренные сосцы вашего божественного знания, так что за все, чем я стал и чего я достиг, я обязан исключительно вам, и если бы я не признавал этого, я был бы самым неблагодарным из людей. Еще раз привет, отец нежно любимый, отец и честь родины, защитник литературы, помощник, сильный как Геркулес, непобедимый поборник правды.

Я узнал недавно от Иллария Бертульфа, с которым нахожусь в близких отношениях, что вы готовите нечто против клевет Жерома Алеандра, подозревая, будто это он писал против вас под маской лже-Скалигера. Я не могу допустить, чтобы вы благодаря этому подозрению оставались в заблуждении: Скалигер действительно существует, он из Вероны, происходит из семьи сосланных Скалигеров и сам сослан. В настоящее время он занимается медициной в Ажене. Этот клеветник мне хорошо знаком; он имеет некоторые сведения по медицине, но вообще — человек, не заслуживающий никакого уважения и полнейший атеист. Я еще не видал его книги; в течение стольких месяцев ни один экземпляр не дошел сюда; я думаю, что ваши друзья в Париже изъяли ее из обращения».

В это время все свободомыслящие элементы Франции, все «либертины», как их тогда называли, группировались вокруг сестры короля Франциска I, Маргариты Валуа, королевы Наваррской. Красавица собой, остроумная, образованная, талантливая писательница, она

привлекала к себе все выдающиеся умы своего времени. Поэты, ученые, художники, музыканты постоянно окружали ее как в Париже, так и в Беарне, владениях ее второго мужа, короля Наваррского. Она с жадностью накидывалась на всякое знание, занималась философией и астрономией, изучала латинский, греческий и еврейский языки, свободно владела итальянским и испанским. Произведения древних философов и новых писателей эпохи Возрождения будили в ней критическую мысль, природное влечение и несчастно сложившаяся жизнь сердца развивали мистицизм. Любимыми книгами ее были Библия и Софокл. Она всей душой разделяла мысли епископа Мо Бриссоне, Лефевра д'Этапля и их сторонников, ясно понимавших, что средневековое католичество гибнет, и мечтавших о создании новой религии, новой церкви, чуждой пороков, разъедавших папство. В своем произведении «Le miroir de l'ame pecheresse» («Зеркало грешной души») она прямо, высказывала еретическую мысль о спасении посредством одной веры, без добрых дел. Но мистицизм никогда не доводил Маргариту до фанатизма. Сердцем отдаваясь религии, она в то же время испытывала сомнения, колебания критического ума, вечно ищущего истины, и умела уважать эти колебания в других. Полная терпимость — этот лозунг людей Возрождения — господствовала в ее кружке. Все гонимые за убеждения находили у нее приют и защиту. В ее дворце встречались и мирно беседовали такие противоположные личности, как кроткий мистик Бриссоне и блестящий, остроумный поэт Маро, суровый Кальвин, атеист Де Перье, мрачный юноша Лойола и веселый скептик Рабле. Чтение Священного Писания, серьезные разговоры философского и богословского содержания чередовались с чтением произведений вроде «Декамерона» Боккаччо, со скабрезными представлениями итальянских комедиантов, которые даже в церковные мистерии вставляли обличительные тирады против развращенности духовенства.

Связи Рабле с кружком Маргариты Наваррской начались еще во время пребывания его во францисканском монастыре и продолжались во все время его жизни как в Монпелье, так и в Лионе.

ГЛАВА III

«Достославная жизнь великого Гаргантюа». — «Пантагрюэль, король дипсодов»

Рабле было около 40 лет. Друзья и знакомые ждали, что он наконец напечатает какое-нибудь большое, серьезное произведение, которое составит важный вклад в сокровищницу науки и прославит имя его далеко за пределами тесного круга ученых, признававших его научные заслуги. И он действительно в одном отношении не обманул их ожиданий: произведение, первые две части которого он издал в Лионе в 1532–1533 годах, приобрело громкую славу среди широкого круга читателей и доставило автору почетную известность не только среди современников, но и среди отдаленных потомков. Но произведение это имело мало общего с наукой: это был большой сатирический роман, в котором автор под прикрытием смеха и шутки высказывал много смелых мыслей, много горьких истин. Он не щадил никого: от него досталось и духовенству, начиная с папы и кончая последним клириком, и королям, и полководцам, и судьям, и адвокатам, и профессорам. В ученом трактате ему не позволили бы высказать и десятой части того, что он смело говорит в своем веселом популярном рассказе. А между тем ни один ученый трактат не мог иметь такого широкого круга читателей и, следовательно, такого широкого влияния на умы.

Канвой для первой части своего романа Рабле взял похождения героя средневековых французских сказок — богатыря Гаргантюа. Чтобы оставаться верным народным легендам, он сохранил этому герою его колоссальные размеры и колоссальную силу, заставил его свершать сказочные подвиги, владеть волшебною кобылою, похищать колокола с собора Парижской Богоматери и т. п., но на этой канве воображение автора вышило свои собственные смелые, оригинальные узоры.

В предисловии к первой части Рабле так рекомендует свое сочинение: «В одном из диалогов Платона Алкивиад называет своего учителя Сократа силеном. „Силенами“ назывались в то время маленькие ящички, расписанные разными смешными, уродливыми фигурами и служившие для сохранения благовоний и драгоценных камней. Сократ походил на силена тем, что по наружности был простоват и безобразен, но всякий, кто

заглядывал внутрь этого „ящика“, находил там необычайный разум, чудную добродетель, непобедимое мужество. Так и эта книга не должна смущать читателей смешными оглавлениями и легкомысленною внешностью. При внимательном изучении окажется, что содержание ее гораздо драгоценнее и серьезнее, нежели внешность… Видели ли вы когда-нибудь, — продолжает он, — собаку, нашедшую мозговую кость? Это, как говорит Платон, самое философическое животное в свете. Если вы ее видели, вы должны были заметить, как благоговейно она стережет кость, с каким старанием хранит ее, как крепко держит, с какою осторожностью раскусывает, с какою любовью грызет, с каким усердием высасывает. Что заставляет ее поступать таким образом? На что она надеется? К чему стремится? Ни к чему иному, как к небольшому количеству мозга. Правда, что это немногое лучше другого большого, потому что, как говорит Гален, мозг есть пища, с наибольшим совершенством выработанная природой. По примеру этой собаки и вы должны быть мудрыми, чтобы почувствовать, просмаковать и оценить эти книги, легковесные на вид, но тучные содержанием и тяжелые по своей сущности. Вы должны путем любознательного изучения и частого раз мышления разгрызть кость и высосать из нее мозг; под этими пифагорическими аллегориями я подразумеваю, что вы должны читать с надеждой сделаться от этого разумнее и честнее, и тогда в этой книге вы найдете скрытое учение, которое откроет вам многие тайны, касающиеся как нашей религии, так и политики, и экономической жизни».

Той костью, которую приходится разгрызать, чтобы добраться до основных идей автора, является фантастическое, иногда шутовское, часто циничное содержание его рассказа, изобилующего мелочными описаниями, подробностями, вводными эпизодами. Страницы его дышат веселым, чисто животным смехом, герои его напиваются, наедаются, самым бесцеремонным образом обращаются с женщинами, отпускают самые скоромные шутки.

Современники не ставили автору в вину его циничных описаний и скабрезных сцен. Вместе с другими тяготами эпоха Возрождения стремилась сбросить и строгий гнет средневекового аскетизма, стремилась возвратить плоти ее права. В то время даже в высших придворных кругах не существовало нынешних понятий о приличии, и многое из того, что стыдливость заставляет нас тщательно скрывать, публично говорилось и показывалось. «Декамерон» Боккаччо был настольною книгою дам высшего света, молодые девушки не краснея смотрели вольные фарсы итальянских комедиантов, папа Лев X заставлял рассказывать себе самые

скабрезные сказки.

Неподдельная веселость, которою дышат первые части романа, привлекала к нему читателей. Время, когда он появился, было тяжелым временем для Франции. Продолжительные войны Франциска I разорили страну, всюду появлялись какие-то неведомые раньше смертоносные болезни, завезенные европейцами из Америки, от страшной засухи пересыхали целые реки и поля оставались бесплодными. И вот среди этих бедствий раздался бодрый, веселый голос: «Живите счастливо, друзья читатели! Читайте мою книгу без предубеждения, в ней нет ни зла, ни заразы, а много смеху; видя горе, которое вас удручает, сердце мое не могло придумать для вас другого утешения. Лучше писать смехом, чем слезами, так как смех есть свойство, присущее человеку!»

Первая книга была озаглавлена так: «Достославная жизнь великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля, описанная в древние времена М. Алкофрибасом, добывателем квинтэссенции». Действие открывается описанием родителей Гаргантюа, отца его Грангузье и матери Гаргамели. Грангузье — добрый весельчак, который любит выпить как никто в свете и охотник до соленых закусок. В его погребе хранятся неисчерпаемые запасы вина, а на кухне идет нескончаемая стряпня гигантских размеров. Жена является его верной подругой во всем, что касается еды и выпивки. Один раз после особенно сытной закуски она родит сына, которым была беременна 11 месяцев. Мальчик выходит на свет не обыкновенным путем, а через левое ухо матери.

«Вы, может быть, не поверите этому странному рождению? — рассуждает автор. — Пожалуй, не верьте, мне все равно: но порядочный, разумный человек всегда верит тому, что ему говорят и что он находит в книгах».

Затем приводится из мифологии целый ряд примеров самых противоестественных рождений.

Явившись на свет, Гаргантюа сразу завопил громким голосом: «Пить, пить!» Услышав крик новорожденного, Грангузье заметил: «Какая же у тебя большая глотка!» Оттого и произошло имя Гаргантюа. Гаргантюа сразу является перед нами великаном исполинских размеров, с чудовищными аппетитами. Следуя примеру народной легенды, автор дает самое точное исчисление количества молока, которое он выпивал, аршин материи, необходимой для разных частей его одежды. На него шло молоко от 17913 коров; кормилицы, которая бы удовлетворяла его, нельзя было подыскать, да и у матери молока не хватало, хотя некоторые ученые утверждают, что она давала за один раз 1402 бочки и 9 горшков молока, —

«показание, которое Сорбонна нашла соблазнительным, оскорбляющим слух и сильно отдающим ересью».

На рубашку его пошло 900 аршин полотна, на кафтан — 9600 аршин без трети синего бархата, на кушак — 300 с половиной аршин шелковой саржи и т. д. — в таком же размере с перечислением всех полу-и четвертей аршин. Детство свое Гаргантюа провел в совершенно животном прозябании: он ел, пил, спал, валялся в грязи, играл деревянными лошадьми, принимая их за настоящих. Когда настало время учить его, отец поручил образование знаменитому доктору теологии Тубалу Олоферну, который начал обучение, строго держась системы схоластического преподавания, господствовавшей в средневековых школах. Он учил мальчика азбуке в течение пяти лет и трех месяцев; потом 13 лет шесть месяцев и две недели читал с ним латинскую грамматику и параболы Алана, причем в то же время учил его писать готическими буквами и заставлял самого переписывать учебники, так как в то время книгопечатания еще не существовало. Затем следовало чтение трактата Иоанна Гарланда «De Modis significanti» с комментариями разных ученых. На это ушло 18 лет и 11 месяцев; ученик изучил текст трактата так твердо, что мог отвечать его и с начала, и с конца. 16 лет и 2 месяца употреблено было на изучение цифири.

Старый король радовался прилежанию сына, но вскоре заметил, что от его ученья нет ни малейшего толка, что молодой принц все больше и больше тупеет. Он рассказал о своем горе вице-королю Папелигосы, и тот объяснил ему, что все дело в учителях, что с помощью хороших наставников современные молодые люди в два-три года становятся умными, развитыми, толковыми людьми. В подтверждение своих слов он представил ему своего 16-летнего пажа Эвдемона, который тотчас же обратился к Гаргантюа с любезною, изящно составленною речью. Гаргантюа ничего не сумел отвечать ему и разревелся как корова. Тогда король прогнал его учителя, поручил воспитание его наставнику Эвдемона и отправил их всех троих в Париж.

Гаргантюа является все еще представителем грубой физической силы, героем народной легенды, и его путешествие в Париж обставлено приключениями, заимствованными из этой легенды. Он едет на сказочной кобыле исполинских размеров, которая ударом хвоста сбивает целые леса; для отдыха садится на башни церкви Богоматери и уносит в кармане церковные колокола. Этот эпизод с колоколами, заимствованный из народной легенды, дает повод автору изощрить свое остроумие над учеными Сорбонны. Похищение колоколов смущает всех парижан; в

Сорбонне долго и важно обсуждают этот вопрос по всем правилам логики. Наконец решают послать к Гаргантюа депутацию с просьбою о возвращении колоколов; оратором выбран богослов Жанотус де Брагмардо. Его речь — образец пустословия, прикрашенного разными учеными цитатами. Он говорит явную бессмыслицу, сам себя не понимает и в то же время самым искренним образом восхищается своим красноречием. Гаргантюа насмехается над ним, но возвращает ему колокола и делает подарки. Сорбоннцы отказываются выплатить ему обещанное вознаграждение; он начинает против них процесс и дает слово не сморкаться до тех пор, пока не кончится процесс. Сорбоннцы, со своей стороны, клянутся не умываться, пока их дело не будет решено. «Так они и до сих пор живут в грязи, а процесс все еще не кончен!»

Между тем Понократ, новый наставник Гаргантюа, принимается за перевоспитание его, за превращение этого представителя животной силы в человека мыслящего и чувствующего. Прежде всего он путем сильных слабительных выгнал из желудка его весь излишек поглощенной им пищи и постарался точно так же выгнать из его мозга те знания, которые только засоряли его. Затем он познакомил его с умными, образованными людьми, разговоры которых внушали желание развиваться умственно, и распределил весь день его так, что ни один час не пропадал даром. Гаргантюа должен был вставать в 4 часа утра. Пока он одевался, ему читали Евангелие, затем он повторял уроки предшествующего дня и часа три проводил за чтением. После этого он шел с товарищами за город, и там у них устраивались разные игры и гимнастические упражнения. За обедом читался какой-нибудь интересный рассказ о подвигах древних героев, а потом шел разговор обо всем, что подавалось на стол, о вине и воде, о соли, мясе, рыбе, овощах и плодах. Учитель кстати приводил цитаты из древних авторов, говоривших что-нибудь об этих предметах. После обеда велись с помощью карт наглядные уроки математики и занятия музыкой и пением; потом назначено было повторение утреннего урока и новое чтение, а вечером — упражнения в верховой езде, в фехтовании и стрельбе в цель, в плаванье, в лазанье, в разных гимнастических штуках. Возвращаясь домой, они рассматривали травы и деревья, попадавшиеся им на пути, толковали об их признаках и свойствах, вспоминали, что о них писали древние авторы. За ужином, который был обыкновенно сытнее обеда, или продолжали чтение, начатое за обедом, или вели приятные и поучительные разговоры. Прежде чем ложиться спать, выходили на какое-нибудь открытое место и наблюдали светила небесные, их движение и взаимное положение. Потом в кратких словах повторяли все, что было

выучено в этот день, молились Богу и ложились спать. В дурную погоду вместо игр на свежем воздухе кололи дрова, молотили снопы или производили какие-нибудь другие работы в закрытом помещении: занимались рисованием, посещали разные мастерские и ремесленные заведения, публичные лекции, фехтовальные залы, представления декламаторов и фокусников. Раз в месяц предполагался полный отдых от всех этих постоянных занятий. Они с утра уходили за город и веселились целый день: пили, ели вдоволь, гуляли, бегали, ловили птиц и раков, не заглядывали ни в одну книгу. Чтобы не оставлять в полной праздности ум, они вспоминали какие-нибудь легкие латинские стихи и ради забавы переводили их на французский язык или проделывали простые физические опыты и устраивали несложные самодвижущиеся приборы.

Вместо мертвой буквы, мертвой книги Понократ заставлял своего ученика изучать живую природу, жизнь и работу живых людей. Для него наука не являлась чем-то обособленным от окружающего мира, чем-то не имеющим связи с нравственными свойствами, с характером человека. Напротив, он стремился путем знания и раз вития самостоятельного мышления пересоздать весь его психический мир, весь строй его чувств и понятий. Благодаря Понократу Гаргантюа через несколько лет превратился из грубого животного в гармонично развитого человека, в представителя идей и стремлений гуманизма. Все, что отличает его систему преподавания от господствовавшей в то время средневековой схоластики, повторили и развили впоследствии педагоги XVII, XVIII и даже XIX веков, но для современников Рабле все это должно было казаться откровением, едва ли не утопией.

Парижская жизнь Гаргантюа была неожиданно прервана письмом, в котором отец звал его к себе на помощь. Над Грангузье стряслась беда: сосед его, взбалмошный, честолюбивый король Пикрошоль объявил ему войну по самому пустячному поводу и вторгся в его владения. Миролюбивый, добродушный Грангузье пребывал в от чаянии. «Всю жизнь заботился я о мире, — плачется он, — а вот приходится под старость лет надеть ратные доспехи на слабые, усталые плечи и вооружиться копьем, чтобы стать на защиту моих бедных подданных. Этого требует разум: ибо их работой я живу, их пот питает меня, моих детей и всю мою семью».

Страницы, в которых Рабле описывает приготовления к войне Пикрошоля, его самоуверенность и льстивую хвастливость его советников, мечтающих о завоевании всего света, исполнены высокого комизма. Гаргантюа спешит на помощь отцу, являясь вновь сказочным богатырем.

Несколькими взмахами дерева, вырванного с корнем, удалец разрушает крепость; он не замечает, что пушечные ядра застряли у него в волосах и, когда начинает расчесывать голову, они градом падают на землю, и т. п. С помощью Гимнаста, Понократа, Эвдемона и брата Жана, воинственного монаха, представляющего живой протест против монашеского безделья и аскетизма, он одерживает победу за победой над войсками Пикрошоля, завоевывает все его королевство и самого его обращает в бегство. Покончив с войной, Грангузье и Гаргантюа снова превращаются в людей «мирного прогресса», во врагов всякого насилия, всякого завоевания. «Прошло время завоевывать государства, — говорит Грангузье взятому в плен полководцу Пикрошоля. — Это подражание древним Геркулесам, Александрам, Аннибалам, Сципионам, Цезарям и т. п. противно Св. Евангелию, которое повелевает каждому из нас охранять, защищать свое государство, заботиться о его благосостоянии и хорошем управлении, а не завоевывать чужие земли. То, что сарацины и древние варвары называли геройством, мы теперь называем разбоем и грабежом».

Странно должны были звучать эти слова среди войн, взаимных грабежей и насилий, раздиравших в то время Европу! Светские и духовные сановники, папы и короли, христиане и мусульмане мечтают о завоеваниях, о ратных подвигах, проливают целые потоки крови своих и не своих подданных, разоряют целые страны, нарушают клятвы и договоры для присвоения себе чужих земель, и только из сравнительно небольшой кучки мыслителей-гуманистов раздаются голоса, призывающие к миру, к взаимной любви, отрицающие войну ради каких бы то ни было целей. Во время пленения Франциска I Эразм Роттердамский писал Карлу V: «Если бы я был Цезарем, я обратился бы к королю Франции с такими словами: „Брат мой, недобрый гений зажег между нами эту войну. Мы сражались не ради самозащиты, а ради усиления своей власти. Ты показал себя мужественным воином; счастье улыбнулось мне — и из короля ты стал моим пленником. Что случилось с тобой, могло случиться и со мной, твое несчастие напоминает нам, что мы люди; мы испытали, сколько вреда такая борьба приносит каждому из нас. Примемся же лучше за борьбу другого рода. Я даю тебе жизнь, возвращаю свободу; ты был моим врагом, я принимаю тебя, как друга; забудем все прошлые обиды. Возвратись на родину свободный и без выкупа; сохрани свои владения, будь мне добрым соседом и постараемся отныне соперничать в искренности, услужливости, дружелюбии; будем соперничать не в том, чтобы приобрести больше власти, а в том, чтобы лучше управлять своим государством“».

Совершенно по этой же программе поступают с побежденными и

герои Рабле. Гаргантюа не только отпускает всех пленных без выкупа, но еще снабжает их на дорогу деньгами, он не присоединяет завоеванных земель к своим владениям, но — так как Пикрошоль скрылся неизвестно куда — отдает их сыну его, учредив на время его малолетства опеку над ним и над государством из представителей древних княжеских фамилий и из ученых людей, во главе которых должен стоять Понократ как главный воспитатель королевича и блюститель интересов его государства. Одних только неразумных советников Пикрошоля наказывает он и наказывает тем, что делает их наборщиками в своей типографии.

Грангузье щедро награждает всех участников похода; одному только воинственному монаху, брату Жану, он не знает, какую дать награду. Он предлагает ему несколько аббатств, но тот отказывается иметь дело с монахами и просит позволения устроить новое аббатство по своему вкусу. Ему отводят большой участок земли на берегах Луары, и там возводит он свой Телем (свободное желание, воля). Эта своеобразная обитель должна во всех отношениях представлять самый резкий контраст с существующими монастырями: она не обнесена стенами, в ней не слышно колокольного звона, в нее принимаются лица обоего пола, женщины от 10–15, мужчины от 12–18 лет, выход из нее вполне свободный, никаких иноческих обетов она не допускает, ее членам разрешается брак, владение собственностью и самая неограниченная свобода. Рабле с мельчайшими подробностями, с видимою любовью описывает здание Телема с его башнями, залами, библиотеками и картинною галереей, фонтанами, театром, бассейном для плавания, со всеми приспособлениями комфортабельной и роскошной жизни. В Телеме 9332 квартиры по 6 комнат в каждой. Над входною дверью его надпись в стихах отгоняет от него ханжей, святош, кляузников, неправедных судей, корыстных дельцов, скряг, ростовщиков, ревнивцев, всех недовольных ворчунов и приглашает вступить в него благородных рыцарей, веселых и любезных; благородных дам, цветущих красотою, скромностью и разумом; проповедников Св. Евангелия, которые тут найдут убежище от врагов истинного слова Божия.

Костюм телемитов и телемиток описан Рабле также с самою тщательною аккуратностью: в знак симпатии, существующей в обители между мужчинами и женщинами, они обыкновенно одеваются в платья одного и того же цвета. Каждый день прислужники сообщают мужчинам, какой цвет выбрали дамы, и они подчиняются их вкусу. Время свое телемиты проводят совершенно свободно, не стесняясь никакими правилами. Они пьют, едят, спят, гуляют и занимаются когда и сколько хотят. «Но так как всё это люди свободные, образованные, хорошо

воспитанные, — рассуждает Рабле, — то они инстинктивно стремятся к добродетельным поступкам и избегают порока». Они проводят время в чтении, в приятных беседах, в занятиях науками, искусствами, рукоделиями, в скромных играх и прогулках. Между мужчинами и женщинами неизбежно возникает любовь, которая кончается браком, и телемиты, по каким-либо причинам оставившие обитель, до конца жизни сохраняют те привычки взаимной любви и дружелюбия, которые приобрели там.

Телем нельзя ставить на одну доску с «Утопией» Мора и с разными фаланстерами, воплощавшими мечту о социальном переустройстве общества. Рабле не обусловливает существование своей обители никакими политическими или экономическими реформами. Пусть на тронах сидят неограниченные монархи, только бы они были добродушны, как Грангузье, и добродетельны, как Гаргантюа; пусть вилланы в поте лица зарабатывают свой хлеб, это не мешает телемитам наслаждаться жизнью, это даже необходимо для полноты их наслаждения; они должны быть избавлены от всех мелочных, материальных забот, — для этого просвещенный монарх создает им роскошную обстановку, а толпы слуг заботятся об их комфорте. Их роль — беспрепятственно развивать в себе человеческую личность, личность совершенную в нравственном, умственном и физическом отношениях, создать породу новых людей, свободных от пороков и предрассудков своих современников.

Космополитическая община гуманистов, «Respublica Literarum», могла бы легко осуществить этот идеал: все члены ее проникнуты любовью к человечеству и стремлением к саморазвитию, но, к сожалению, их мало, они слабы в материальном отношении, им приходится тратить свои силы на борьбу с бедностью, несправедливостью и враждою людей, им приходится отдавать свое время на недостойный их труд. Не будь этого, создайся обстановка, в которой свободно могли бы развиваться все их способности, они силою своего ума и нравственного величия вывели бы человечество на путь преуспевания. Гуманисты в это верили, и Рабле вполне разделял их веру, создавая свой Телем.

Рабле писал свой роман без определенного плана: подвернулся ему случайно подходящий материал в виде народной легенды, и он положил его в основу первой части; во второй являются уже совершенно новые лица, и она лишь внешним образом связана с первою. Эта вторая книга, появившаяся очень скоро после первой и озаглавленная «Пантагрюэль, король дипсодов, его действия и удивительные подвиги, сочинение покойного М. Алкофрибаса, добывателя квинтэссенции», значительно

слабее своей предшественницы, хотя и в ней мы находим целые страницы едкой сатиры на существующие порядки.

Пантагрюэль, сын Гаргантюа, очень похож на отца, такой же великан и силач, свершает такие же подвиги и точно так же разделяет идеи гуманистов. Книга начинается родословною героя, в которой многие, между прочим и Вольтер, видели явное кощунство. Пантагрюэлю не пришлось в детстве подвергаться отупляющему влиянию схоластического обучения. Гаргантюа всеми силами стремился сделать из него всесторонне образованного человека. «В настоящее время, — писал он сыну (и в этих словах отражается оптимизм гуманистов), — все научные дисциплины восстановлены, древние языки введены в общее употребление: греческий, без которого человеку стыдно считаться ученым; еврейский, халдейский, латинский. У всех в руках красивые, вновь исправленные книги, благодаря книгопечатанию, изобретенному в мое время божественным внушением в противоположность огнестрельному оружию, изобретенному с помощью дьявола. Весь свет наполнен учеными людьми, сведущими наставниками, большими книжными магазинами, и мне кажется, ни во времена Платона, ни во времена Цицерона не было таких удобств для приобретения знаний, как теперь. Нынешние разбойники, палачи, авантюристы и конюхи ученее, чем были доктора и проповедники в мое время». Вследствие этого он советует сыну основательно изучить языки греческий, латинский, еврейский, халдейский и арабский; «либеральные искусства»: геометрию, арифметику и музыку; астрономию, но не занимаясь при этом астрологией; гражданское право, зоологию, ботанику; медицину по сочинениям врачей греческих, арабских, латинских, по талмуду и каббале; анатомию и, наконец, теологию, читая по-гречески Новый Завет и Послания апостолов, а по-еврейски — Ветхий Завет.

Пантагрюэль посещает разные университеты Франции, слушает лекции в Пуатье, Тулузе, Монпелье, Орлеане и, наконец, в Париже. В Париже он осматривает славившуюся в то время библиотеку аббатства Св. Виктора. Автор дает длинный перечень удивительных богословских книг, находящихся там.

Чтобы испытать свои знания, Пантагрюэль ведет диспуты с докторами Сорбонны, с учеными врачами, юристами, финансистами и разбивает всех их самым блистательным образом. Слава о его необыкновенной учености распространилась по всему городу, так что, встречаясь с ним на улице, даже простые женщины говорили: «Это он». Желая воспользоваться его знаниями, суд поручил ему разобрать одно запутанное дело о наследстве, тянувшееся много лет, разорившее обе тяжущиеся стороны, и для решения

которого собраны были все французские парламенты, приглашены даже иностранные юристы. Изложение этого процесса и всех его перипетий дает Рабле повод изощрить свое остроумие над крючкотворством и запутанностью французского судопроизводства. Тяжущиеся излагают дело в длинных речах, представляющих набор бессмысленных фраз, и Пантагрюэль оглашает свое решение совершенно в такой же речи, которая приводит в восторг присутствующих, так как они не понимают в ней ни одного слова.

В Париже Пантагрюэль встречает новое лицо, которому предположено играть большую роль в дальнейшем развитии романа. Это лицо — Панург, тип, заимствованный из народно-литературного предания, умный шут, изворотливый пройдоха, всегда веселый, всегда себе на уме, всегда готовый на всякую проделку, чтобы услужить другу, отомстить врагу или удовлетворить свои животные инстинкты. Он привязывается к Пантагрюэлю, так как это первый человек, который по-человечески отнесся к нему, и они становятся неразлучными.

Книга кончается подобно первой — войною, войною с королем дипсодов, Анархом, весьма похожим на Пикрошоля. Пантагрюэль и его сподвижники показывают такие же чудеса силы, храбрости и ловкости, как прежде Гаргантюа с товарищами, и точно так же завоевывают всю неприятельскую страну. Пантагрюэль переселяет в нее часть своих прежних подданных, которым стало слишком тесно жить на родине, а короля дипсодов предоставляет в распоряжение Панурга, который решает сделать его продавцом уксуса. Такое странное превращение явилось вследствие рассказа Эпистемона, одного из сподвижников Пантагрюэля. Во время сражения неприятели отрубили голову Эпистемону, и пока Панург не приклеил ее снова на прежнее место и не залечил целебным пластырем, убитый успел побывать в гостях у Люцифера и погулять по Елисейским полям. Там он встретил многих знаменитых людей и оказалось, что на том свете все они занимали очень низкие должности. Так, Александр Великий чинил старые сапоги, Ксеркс продавал горчицу, Демосфен работал в винограднике, Цицерон раздувал огонь, Траян ловил лягушек, папа Юлий продавал пирожки, а папа Александр истреблял крыс. Чтобы приготовить бедного Анарха к той незавидной роли, какую ему придется играть в будущем, Панург одевает его в простое платье, женит, устраивает ему скромное хозяйство и заставляет его приготовлять уксус. «Я хочу, чтобы он стал порядочным человеком», — рассуждает Панург.

Анарх ходит по улицам и добросовестно продает свой товар, но, к сожалению, никак не может справиться со своей женой, которая частенько

поколачивает его.

ГЛАВА IV

Поездка в Рим с епископом Дю Белле. — Италия того времени. — Занятия археологией и арабским языком. — Неправдоподобный анекдот. — «О римских древностях» Маршани. — Доктор при больнице в Лионе. — Альманахи. — Предсказания. — Отставка

Книга Рабле сразу приобрела и массу поклонников, и много врагов. Ее читали нарасхват, над ней от души хохотали и во дворцах, и в домах простых граждан, но суровые доктора Сорбонны встретили ее неодобрительно и объявили произведением, оскорбляющим нравственность. Вероятно, и сам автор не избег бы преследования, если бы не покровительство сильных друзей. Один из этих друзей, епископ парижский Жан Дю Белле, получил от короля дипломатическое поручение к папе. По дороге в Италию он заехал к Рабле, жившему в то время в Лионе, и предложил ему поехать вместе с собой в качестве своего домашнего врача. Рабле с восторгом принял это предложение.

Италия того времени была обетованною страною для французов. Богатые люди, возвращавшиеся оттуда, с восторгом рассказывали о тамошнем мягком климате, о приветливой любезности жителей, особенно дам, и хвастались блестящим оружием, изготовленным на ломбардских фабриках, дорогими тканями, вывезенными из Флоренции; люди науки считали за счастье послушать лекции в итальянских университетах, поговорить с итальянскими учеными; художники и поэты ездили черпать вдохновение среди обломков сохранившихся там произведений древнего искусства. Италия ранее других стран Европы сбросила с себя оковы варварства, ступила на путь цивилизации. В XII веке, когда в остальной Европе вполне господствовал феодальный строй, в Италии он уже рушился под влиянием сильного развития промышленности. Богатые города вели упорную и почти всегда успешную борьбу с феодальными замками, замки делали на каждом шагу уступки, теряли своё значение, исчезали, а рядом с ними возникали промышленные пункты, центры обширной торговли. Рыцарские набеги не тревожили мирных буржуа, они привлекали тысячи рабочих на свои разнородные фабрики, вели роскошную, комфортабельную жизнь, охотно занимались наукой и оказывали покровительство ученым и художникам. Изучение классической

литературы и возрождение наук началось в Италии раньше, чем где-нибудь в остальной Европе. В X веке там уже существовала медицинская школа, в которой велись правильные занятия анатомией; математика, астрономия, история читались в итальянских университетах блестящими представителями науки. Итальянские государи, правители республик, духовные сановники соперничали в покровительстве гуманистам, ученым и поэтам. Лица, занимавшиеся классическими древностями, имели почетное положение в обществе, получали важные государственные должности, являлись желанными гостями во дворцах.

Рабле ехал в Рим с целью продолжать и расширять свои научные занятия. Он предполагал пополнить свои сведения по ботанике наблюдениями над итальянской флорой, но вскоре отказался от этого, увлеченный другими отраслями знания. Во-первых, вид древних развалин возбудил в нем страсть к археологии, и он вместе с двумя молодыми антиквариями усердно принялся делать раскопки в винограднике, нарочно купленном для этой цели епископом Дю Белле. Во-вторых, знакомство с итальянскими учеными навело его на мысль о необходимости знания арабского языка, изучение которого процветало в Италии, и он стал прилежно заниматься им.

Несмотря на всю свою жадность к приобретению знаний, Рабле не мог отдавать науке всего своего времени: у него были официальные обязанности, от которых ему нельзя было уклоняться. В качестве врача, состоявшего в свите парижского епископа, и уполномоченного французского короля он часто должен был сопровождать своего патрона во дворец папы и на собрания разных князей церкви, должен был присутствовать на торжественных обедах и на веселых пирушках, которыми епископ Дю Белле старался привлечь на свою сторону римских прелатов. Тут открывалось широкое поле для его наблюдательности, для изощрения его сатирической направленности; тут он мог вдоволь наблюдать все порядки, господствовавшие при римском дворе, все темные стороны католичества, которые раньше представлялись ему только в лице разных монахов да деревенских кюре. Результаты своих наблюдений он держал пока про себя и открыл их гораздо позднее в последующих книгах своего романа. Но легендарная биография Рабле не может допустить, чтобы такой неугомонный весельчак и остряк, каким по общему мнению должен быть автор Пантагрюэля, чинно и почтительно проделывал все церемонии, сопряженные с представлением папе. Легенда обставляет пребывание Рабле в Риме разными анекдотами, весьма малоправдоподобными. Между прочим, она рассказывает, что однажды

папа разрешил врачу парижского епископа просить у себя какой-либо милости. Рабле попросил, чтобы папа отлучил его от церкви, и на вопрос, что за причина такого странного желания, отвечал: «Святой отец, я француз, уроженец города Шиннона, в котором много хороших людей, даже из числа моих родных, сожжены на костре. А если бы Ваше Святейшество прокляли меня, я не мог бы сгореть. Я вот почему так думаю: по дороге в Рим мы с парижским епископом зашли в избу к одной бедной женщине, чтобы погреться, так как было очень холодно. Мы попросили женщину развести огонь. Она начала топить печку соломой из своей постели, но никак не могла зажечь ее. Тогда она стала браниться и сказала: „Должно быть, эта солома проклята самим папою, что она не горит!“. Так мы и ушли не согревшись, а я узнал, чем можно спастись от костра».

Король вскоре отозвал епископа Дю Белле обратно в Париж, а с ним вместе вернулся во Францию и Рабле, прожив в Италии менее года. Этот срок был настолько короток, что Рабле не удалось написать какого-нибудь самостоятельного научного исследования, касающегося Италии, но он привез с собой только что вышедшую книгу миланского ученого Маршани «О римских древностях», снабдил ее своими примечаниями и отредактировал новое издание ее, отпечатанное в Лионе, в типографии Грифа.

По возвращении из Италии Рабле получил место врача при главной лионской больнице, но практические занятия медициной не мешали его литературным работам. Он выпустил в свет второе исправленное издание (это первое из сохранившихся до нашего времени) своего «Гаргантюа», и затем по примеру предыдущего года составил «альманах» — нечто вроде популярного календаря. Такого рода альманахи Рабле издавал почти ежегодно с 1533 по 1550-й годы, и они имели большой круг читателей. К сожалению, до нас дошли только очень небольшие отрывки некоторых из них. По этим отрывкам нельзя составить себе понятия о содержании целых книг: видно только, что Рабле старался бороться против суеверия своих читателей, особенно суеверия, основанного на разных астрологических соображениях и предсказаниях. До нас дошла небольшая брошюра Рабле, помеченная 1532-м годом и имеющая ту же цель: бороться против влияния астрологов. В XVI веке, как и в предыдущих, вера во влияние светил небесных на дела людей была общераспространенной: ее разделяли даже такие умы, как Маккиавелли и Меланхтон. В народе по рукам ходили книжки, содержавшие предсказания разных политических и космических явлений, на основании соотношения тех или других планет. В 1524 году

немецкий астролог Штофегер распространил ужас по всей средней Европе, возвестив, что тогда же Юпитер, Сатурн и Марс должны встретиться в знаке Рыб, что это вызовет повышение уровня моря и новый всемирный потоп. Умы, с одной стороны, напуганные бедствиями окружавшей действительности, с другой, — возбужденные новыми идеями, породившими реформационное движение, с трепетом ждали какой-нибудь катастрофы, какого-нибудь сверхъестественного, божественного вмешательства в запутавшиеся дела земные. Рабле возмущал этот трепет. Чуждый предрассудков своего времени, он хотел бы и другим передать свою уверенность в том, что все события совершаются на основании твердо установленных законов. Брошюра его названа так: «Пантагрюэлическое предсказание („Pantagrueline Prognostication“), вполне верное и неоспоримое, на 1533-й год, составленное на пользу и поучение людей легкомысленных, ротозеев по природе, г-ном Алкофрибасом, архитриклином вышеозначенного Пантагрюэля».

В обращении к «благосклонному читателю» автор объясняет, что ввиду массы предсказаний, имеющих хождение в народе, и той жадности, с какой набрасываются на них французы, отличающиеся любопытством еще со времен Цезаря, он изучил все небесные карты, исчислил квадратуры Луны, разузнал все, что когда-либо думали астрофилы, гипернефелисты, анемофилаки, уранопеты и амброфоры, держал совет с Эмпедоклом и результаты всех этих изысканий предлагает в кратком виде, предупреждая, что каждому его слову следует свято верить под угрозой наказания и в здешней, и в будущей жизни.

«Что бы вам ни говорили безумные астрологи Лувена, Нюрнберга, Тюбингена и Лиона, — так начинает он первую главу, — не думайте, что в нынешнем году кто-либо другой будет управлять Вселенною, кроме Бога Творца, который своим божественным словом всё направляет и устраивает. Ни Сатурн, ни Марс, ни Юпитер, никакая другая планета, ни ангелы, ни святые, ни люди, ни дьяволы не могут иметь силы, власти и влияния, если Бог не соблаговолит дать им ее».

«Величайшее безумие, — говорит он в другом месте, — воображать, что светила созданы для пап и важных господ более, чем для бедняков и несчастливцев, точно будто создавались новые звезды после потопа или во времена Ромула и Фарамона. Мы твердо верим, что светилам столько же дела до богачей, как и до бедняков».

Вся книга представляет сатиру на пророчества разных шарлатанов. Автор делает массу комических и притом неоспоримо верных предсказаний, обставляя их ссылками на астрономические данные; так,

например, блохи будут по большей части черными, старость окажется неизлечимою болезнью, богатые будут жить лучше, чем бедные; под влиянием прошлогодней кометы и неправильного движения Сатурна в больнице умрет один нищий, покрытый струпьями и страдающий ревматизмом; ханжи будут кричать о своей святости, духовные лица будут умирать в таком количестве, что оставшиеся в живых присвоят себе по три, по четыре и более бенефиций; почти повсеместно будет господствовать страшная, заразительная, мучительная болезнь, вследствие которой многие станут мечтать о философском камне, — болезнь, которую Аверроэс называет «недостатком денег», и т. д. и т. д., группируя эти предсказания по временам года и разным разрядам людей.

Связи Рабле с кружками французских гуманистов и «либертинов» не прерывались. Для его подвижной натуры невозможно было ограничивать связи эти одной перепиской: ему необходимы были личные свидания, обмен мыслей в живой беседе. Не особенно дорожа своим местом врача при больнице, он ездил несколько раз то в Париж, то в другие крупные центры умственного движения. Эти отлучки не нравились попечительному совету больницы, и тот решил, что невозможно держать врача, который так небрежно относится к своим обязанностям. В феврале 1535 года Рабле уехал в Гренобль без разрешения совета, без отпуска, а в марте решено было отказать ему от должности и заменить его другим врачом.

ГЛАВА V

Второе путешествие в Рим. — Политические дела. — Письма к епископу Малые. — Прошение к папе и отпущение грехов. — Поспешное возвращение во Францию

Около этого времени скончался папа Климент VII, и преемник его Павел III дал кардинальскую шапку парижскому епископу Жану Дю Белле. Дю Белле отправился в Рим и снова взял с собою Рабле. Это второе пребывание их в Риме было не более продолжительно, чем первое, и Рабле опять воспользовался им для научных занятий, в особенности для изучения арабского языка. Из Рима он вел деятельную переписку со своим другом и покровителем епископом Мальзе. К сожалению, до нас дошли лишь немногие из этих интересных писем. Посылая семена разных неизвестных во Франции овощей и цветов, Рабле дает подробные сведения о том, как, когда и на какой земле их сеять и в то же время с полною откровенностью и бесцеремонностью сообщает обо всем, что происходит на его глазах в Риме, сообщает как посторонний, беспристрастный свидетель, которого не трогает ни положение папского престола, ни разные политические интриги.

Интриги эти охватывали в то время все государства Европы, и узлом их был Рим. Протестантское движение распространялось все более и более в Германии и Швейцарии; Англия окончательно отпадала от католичества, в среде самого католичества шло сильное брожение умов, стремившихся к обновлению церкви без разрушения старых устоев; папа Павел III громко говорил о необходимости уничтожения еретиков и призывал государей Европы на борьбу с ними, а между тем боялся, как бы Карл V, одержав над ними окончательную победу и успокоив Германию, не приобрел слишком большой силы, господствующего влияния на европейские дела и втайне сочувствовал Франциску I. Франциск, сохраняя видимую дружбу с папою и с императором, поддерживал деньгами и советами протестантских князей и заключил союз с Генрихом VIII, королем Англии, отлученным папою от церкви. Во всех мелких княжествах и республиках Италии шла ожесточенная борьба партий, из которых каждая искала покровительства или папы, или императора, или короля французского. Турки овладели Венгрией и грозили Вене. Во всех государствах Европы собирались с

народа подати для войны против них, протестанты ненавидели их не меньше, чем католики, а между тем каждый успех их оружия приносил выгоду протестантскому движению, отвлекая силы Карла V от борьбы с еретиками; христианский государь Франциск I посылал тайных агентов предлагать союз и дружбу султану Солиману, христианская республика Венеция находилась в самых близких связях с ним.

В 1535 году Карл V призвал всех христианских государей принять участие в походе против мусульманских корсаров, главным предводителем которых был Хайреддин Барбаросса, получивший от Солимана в ленное владение Тунис и северное побережье Африки. Эти корсары были грозою Средиземного моря: они захватывали купеческие корабли, грабили острова и прибрежные страны, увозили в плен мужчин, похищали женщин. Борьба с ними считалась священною войною, в некоторой степени крестовым походом. Но Генрих VIII не мог идти на Барбароссу в союзе со своим постоянным неприятелем; Франциск, желавший втайне победы мусульманскому оружию, уклонился под разными более или менее благовидными предлогами, и император предпринял поход один со своими испанскими, немецкими и итальянскими войсками. Он одержал ряд блестящих побед, взял приступом Тунис, поставил свои гарнизоны в нескольких гаванях африканского берега, освободил 20 тысяч христианских пленников и с торжеством вернулся в Италию. Итальянские города приветствовали его как триумфатора, мелкие владетельные князья спешили к нему на поклон и делали его верховным судьею своих распрей; астрологи издавали брошюры, в которых ему предсказывались новые победы, новая слава; папа готовил ему торжественную встречу в Риме.

Вот как описывает Рабле эти приготовления: «Уже весь город наполнен испанцами, и император, кроме своего постоянного посланника, прислал к папе еще чрезвычайного, чтобы известить его о своем приезде. Папа уступает ему половину дворца и весь бург Св. Петра для его слуг; он заказал сделать 3000 постелей, так как в городе нельзя купить такого количества после нашествия ландскнехтов; он сделал запас сена, соломы, овса, ячменя, насколько мог достать, и закупил множество вина. Я думаю, что все это будет стоить ему дорого и что он охотно бы обошелся без этого ввиду его сильной бедности, которая бросается в глаза. Римляне еще не знают, как им держать себя: много раз собирались совещания сенаторов, консерваторов и губернаторов, но они не могут столковаться. Император через своего посланника сообщил, что не хочет, чтобы его слуги жили бесплатно, но что он предоставляет папе устроить их по своему усмотрению, а это-то и заботит папу. Он очень хорошо понимает, что

подразумевается под этими словами: император хочет убедиться в его дружбе по тому приему, какой он сделает ему и его слугам».

В другом письме, сообщая о возвращении папских легатов, убедивших императора отсрочить свой приезд на месяц, Рабле говорит: «Если бы у меня было столько экю, сколько папа готов дать индульгенций тому, кто отсрочит это посещение на пять или на шесть лет, я был бы богатейшим человеком. В городе делаются большие приготовления к приему императора; по приказанию папы проведена новая дорога, по которой он поедет через ворота Св. Себастиана, под древними триумфальными арками Константина, Веспасиана, Тита и проч., мимо дворцов Св. Марка и Фарнезе в замок Св. Ангела. Чтобы провести и сравнять эту дорогу, разрушили более 200 домов и три или четыре церкви. Многие считают это дурным предзнаменованием. Жаль видеть все эти разрушенные дома; собственники их не получили за них ни вознаграждения, ни платы».

Вот что пишет Рабле по поводу денежных дел папы и императора: «Сегодня сюда вернулся герцог Феррарский, ездивший на встречу к императору в Неаполь. Не знаю, удалось ли ему уладить дело по своей инвеституре, но говорят, что он не особенно доволен императором. Думаю, что ему придется порастрясти экю, оставленные ему покойным отцом, и что оба: и папа, и император, — знатно пощиплют его». В другом письме, по поводу того же герцога Феррарского, он говорит: «Он не мог прийти к соглашению с папой, который требовал у него слишком большой суммы за инвеституру его земель. Поэтому он поехал к императору, который обещал ему склонить папу на уступки, если он вернется к себе домой, предоставив ему вести все дело и не станет платить папе условленных денег прежде, чем получит извещение. Штука в том, что император нуждается в деньгах и ищет их повсюду. Приехав сюда, он, очевидно, станет требовать их у папы. Он будет доказывать ему, что вел все войны против турок и Барбароссы для безопасности Италии и папы и что папа обязан дать ему субсидию. Папа ответит, что у него нет денег, и приведет явные доказательства своей бедности. Тогда император убедит его, что он может поплатиться не из своего кошелька, а деньгами герцога Феррарского, которые можно получить посредством простого „Fiat“. Вот какими тайными путями ведутся здесь дела».

Вращаясь постоянно в придворных сферах Рима, Рабле, конечно, знал разные интимные стороны папской жизни. Впрочем, о них, очевидно, совершенно свободно толковали среди высшего духовенства. Вот что он пишет между прочим: «Вы спрашиваете, монсиньор, о синьоре Петре-Лоизе Фарнезе — законный или незаконный он сын папы. Знайте, что папа

никогда не был женат; значит, синьор этот несомненно незаконный. У папы была сестра необыкновенная красавица. Теперь еще показывают во дворце, во флигеле Соммистов, образ Богоматери, списанный, говорят, с нее. Она была замужем за одним дворянином, двоюродным братом синьора Рансе, и когда муж был на войне, в Неаполитанском походе, папа Александр видался с нею. Синьор Рансе, узнав об этом, сообщил своему двоюродному брату, убеждая его, что он не должен терпеть такого бесчестия своей семье со стороны папы-испанца и что сам он этого не намерен допускать. В конце концов он ее убил. Папа Павел III плакался на свое горе перед папой Александром VI, который, чтобы его утешить, сделал его кардиналом, несмотря на его молодость, и доставил ему многие другие выгоды. Одно время папа содержал римскую даму из дома Руффине, от которой он имел дочь, вышедшую замуж за синьора Божа, графа Санта-Фиоре; ее сын сделан одним из маленьких кардиналов под именем кардинала Санта-Фиора; от нее же он имел сына, вышеупомянутого Петра Луи, о котором вы спрашиваете и который женился на дочери графа де Сервелл и имеет множество детей; между прочим, маленький кардинальчик Фарнезе — его сын».

Рабле воспользовался своим пребыванием в Риме, чтобы легализировать свое положение, которое до тех пор было очень шатким. Он самовольно оставил орден бенедиктинцев и монашеское звание, занимался науками и врачебным искусством, путешествовал, держал себя как совершенно свободный человек, не связанный никакими обетами. Такой образ жизни был для него возможен только благодаря его сильным покровителям и каждую минуту мог навлечь на него преследование духовных властей. Он обратился к папе с прошением, так называемым «supplicatio pro apostasia», признался, что покинул монастырь и вел бродячую жизнь и просил святого отца дать ему полное прощение грехов, позволение снова надеть платье бенедиктинцев, поселиться в одном из монастырей этого ордена и заниматься с разрешения настоятеля монастыря врачебным искусством исключительно по человеколюбию, без всякого расчета на выгоду и в границах, полагаемых каноническими правилами для лиц духовного звания, т. е. без применения огня и железа. Несколько влиятельных кардиналов поддержали его просьбу, и папа, который вообще благосклонно смотрел на людей науки, согласился исполнить ее. «Принимая во внимание, — говорится в его грамоте, — ваше рвение к религии, к науке и к литературе, честную жизнь и безупречную нравственность, мы снисходим на вашу просьбу и разрешаем…»

Рабле с большою радостью сообщает своему корреспонденту, что ему

удалось уладить это дело даром, без взяток, заплатив только чиновникам, составлявшим необходимые официальные бумаги, что он все время держался на строго законном основании, не прибегая даже к покровительству кардинала Дю Белле и французского посланника, предлагавших похлопотать за него.

Торжественный въезд Карла V в Рим отсрочился до апреля 1536 года. Император жил все время в Неаполе, заключая союзы, набирая свежие войска, стараясь всеми правдами и неправдами добыть как можно больше денег и продолжая уверять Франциска I в своей неизменной дружбе. Франциск в это время мечтал об одном: о присвоении себе Милана, от которого он отказался по Камбрейскому договору. В конце 1535 года герцог миланский Франческо Сфорца умер, и Франциск двинул свои войска в Савойю и Пьемонт. Но Карл убедил его, что он может получить Милан не посредством завоевания, а посредством брачного союза, женив своего младшего сына на дочери императора. Франциск поверил этим обещаниям и остановил свои войска. Между тем Карл, окончив все военные приготовления, вступил в Рим триумфатором по той великолепной дороге, которую приготовил ему папа ценою разрушенных зданий. Упоенный славою недавно одержанной победы над неверными и лестью окружающих, чувствуя в своем распоряжении громадную и материальную, и нравственную силу, император находил, что ему не стоит больше хитрить со своим соперником, что ему можно громко высказать свои замыслы. Через несколько дней после въезда в Рим он в торжественном заседании папской консистории, в присутствии немецких и итальянских князей, кардиналов и посланников произнес речь, которая всех изумила. Эта речь была настоящим обвинительным актом против Франциска. Карл уличал его в нарушении трактатов, в сношениях с Солиманом и Барбароссою, в поддержке еретиков, представлял его ренегатом, человеком, на слово которого нельзя положиться. Он уверял, что если разгорится война, то в этом будет виноват исключительно король, который без всякого основания послал войска свои в Пьемонт, между тем как он, император, предлагал мирным путем отдать Милан его младшему сыну.

Весь тон речи был в высшей степени оскорбителен для французского короля и в то же время настолько высокомерен и заносчив, что равнялся объявлению войны. Французские послы при римском дворе потребовали у императора объяснения. Карл со своею обычною двуличностью стал уверять их, что они не так его поняли, что он, может быть, несколько увлекся, а на самом деле не питает враждебных замыслов против их

государя. Кардинал Дю Белле, присутствовавший при произнесении речи, понимал, что король должен как можно скорее и точнее узнать ее содержание; между тем он видел, что послы, под влиянием объяснений Карла, готовы в своих донесениях смягчить и сгладить ее. Тогда он, пользуясь своею великолепною памятью, записал почти дословно все, что говорил император, и, не доверяя никаким курьерам, решил сам отвезти свою записку в Париж. Так как внезапный отъезд и поспешное путешествие кардинала могли возбудить подозрения и даже заставить врагов принять меры к задержанию его, то он вышел из Рима тайно, переодевшись в простое платье, и через восемь дней был в столице Франции. Сопровождал ли его Рабле в этом поспешном путешествии, мы не знаем, но, во всяком случае, он оставался недолго после него в Италии и летом 1536 года был вместе с ним в Париже.

ГЛАВА VI

Война Карла V и Франциска I. — Рабле в монастыре. — Лекции в Монпелъе. — Колеблющаяся политика короля. — Католическая реакция. — Новый покровитель. — Исправленное издание

Война, приближение которой Рабле мог предвидеть в Риме, разразилась.

Карл V с 50-тысячной армией вступил в Прованс, громко объявляя, что идет прямо на Париж. В то же время с севера подвигалась другая армия под предводительством графа Нассауского. Франциск поручил защиту Парижа, Пикардии и Шампани кардиналу Дю Белле, а против Карла выслал герцога Монморанси. Герцог решил заморить врага голодом. Прованс был предан самому жестокому опустошению: по приказанию герцога сжигали мельницы, житницы, целые деревни и даже города, истребляли хлебные запасы, заваливали колодцы. Монморанси заперся в укрепленном лагере, и, чтобы дойти до него, императорским войскам пришлось проходить по бесплодной пустыне; страна не могла дать ни малейшего продовольствия его войскам, а когда появлялись припасы, подвозимые морем, голодные жители с мужеством отчаяния набрасывались на них и отбивали их у императорских отрядов. За два месяца император, не дав ни одного сражения, потерял от болезней и истощения 20 тысяч человек и принужден был оставить Францию. Герцог Нассауский также отступил после безуспешной попытки взять приступом Перонну.

Все это тревожное время Рабле провел в Париже, вблизи своего сильного патрона, кардинала Дю Белле. Кардинал считался аббатом монастыря Сен-Мор, при надлежавшего ордену бенедиктинцев. Испрашивая у папы разрешения вернуться в ряды этого ордена, Рабле, вероятно, имел в виду поселиться именно в этом монастыре. Он действительно вступил в число его монахов и с восторгом описывал его в послании к кардиналу Шатильону. «Это, — пишет он, — райское жилище по благорастворенности воздуха, приятству, тишине, удобствам, невинным удовольствиям сельской и земледельческой жизни». Кроме спокойствия, Рабле мог постоянно пользоваться в этом удобном убежище и обществом своих друзей и единомышленников. В начале 1537 года Этьен Доле,

заподозренный в убийстве своей жены и преследуемый судом, приехал в Париж под покровительство короля. Король помиловал его, и на радостях тот задал большой пир, на котором присутствовали Бюде, Маро и Рабле, «Рабле — честь медицины, врач, который может вызвать мертвого от дверей могилы и возвратить его к свету», — как писал Доле в одном своем стихотворном послании.

Несмотря на все прелести жизни в Сен-Морском аббатстве, Рабле недолго оставался там. Едва затихла военная гроза, как он снова направился на юг, и в мае 1537 года мы встречаем имя его в списках Монпельевского университета, где он получил ученую степень доктора медицины и затем в течение двух лет читал лекции: излагал и комментировал «Прогностиков» Гиппократа и преподавал анатомию. Рабле был одним из первых анатомов, делавших демонстрации на трупах. В сборнике латинских стихотворений Доле, напечатанных в Лионе в 1538 году, находится эпитафия на могилу одного повешенного, который был вскрыт Рабле в присутствии многочисленной аудитории. Автор говорит от имени повешенного, который радуется, что труп его дал повод присутствующим приобрести так много поучительных и интересных знаний. Он предназначался сделаться игрушкою ветра и добычею воронов, и вдруг его выставили в амфитеатре, целая толпа именитых граждан собралась вокруг него, он привлекал к себе всеобщее внимание, его окружали почетом, он приобрел славу. Он очень жалеет своего товарища по виселице: труп этого несчастного был вскрыт другим врачом, таким несведущим и некрасноречивым, что он сам казался холодным и немым, как мертвец.

Ученые занятия в Монпелье не мешали Рабле делать частые путешествия в разные южные города, особенно в Лион, где он проводил по несколько месяцев сряду и куда его привлекало отчасти желание повидаться со старыми друзьями, отчасти необходимость следить за печатанием двух первых частей своего романа, которые продолжали требовать новых и новых изданий.

Тяжелое время переживала в это время Франция. Кроме опустошительных войн, превращавших в пустыни целые провинции, и разорительных налогов, убивавших и земледелие, и промышленность, двойственная, вечно колеблющаяся политика Франциска удручающим образом действовала на умы. В первые годы своего правления, в значительной степени под влиянием сестры своей, Маргариты Валуа, Франциск склонялся на сторону свободной мысли, свободного исследования религиозных вопросов. Протестантское движение в

Германии представлялось ему фактом в высшей степени утешительным, так как оно ослабляло его врага, Карла I. Мало того, даже дружеские связи с неверными, с турками не казались ему делом греховным, и после несчастной битвы при Павии он послал Солиману свой перстень с предложением оборонительного и наступательного союза против императора. В Париже он вел постоянную борьбу с Сорбонною и своею властью спас многих жертв ее изуверства; благодаря его защите остались живы: Лефебр, которому грозила смерть за ересь, высказанную им по поводу Магдалины; Маро, талантливый поэт; переводчик псалмов Этьен Доле и многие другие. Он приближал к себе гуманистов, вроде братьев Дю Белле, и ученого Бюде, бывшего его библиотекарем, с удовольствием смотрел комедии, в которых представлялась драка Лютера с папой, зачитывался романом Рабле, принимал от Цвингли посвящение его книги «Истинная и ложная религия». Чтобы иметь противовес ненавистному ему влиянию Сорбонны, Франциск решит устроить College de France, в котором для начала должны были читаться языки греческий и еврейский, гонимые Сорбонной, и математика; а позднее — медицина, философия, латинский, арабский языки, законоведение и естественные науки. Начиная свою борьбу с папою, Генрих VIII искал его союза и не без основания рассчитывал на его поддержку; протестанты Германии не раз получали от него денежные субсидии и громкие обещания.

Но все эти проявления либерализма и свободомыслия не имели под собой никакого прочного основания. Индифферентист в делах веры более по легкомыслию, чем по убеждению, Франциск свои религиозные воззрения вполне подчинял политике. А политика его отличалась неустойчивостью, беспринципностью, крайним оппортунизмом. В то время как Маргарита и братья Дю Белле склоняли его на сторону веротерпимости, союза с Англией, энергичной поддержки протестантов, — мать его, Луиза Савойская, и герцог Монморанси твердили ему о необходимости приобрести дружбу папы посредством строгих преследований еретиков. Франциск колебался между этими двумя влияниями, склоняясь то в ту, то в другую сторону, смотря по ходу военных действий против Карла V или своих личных дел. С 1534 года во Франции начинаются гонения против еретиков: их пытают и жгут десятками и сотнями в Париже, в Меце, в Нанси. В 1535 году Франциск по настоянию Сорбонны издал невероятный ордонанс, запрещавший книгопечатание, — ордонанс, который, впрочем, никогда не был да и не мог быть приведен в исполнение. Болезнь, начавшая подтачивать силы Франциска задолго до его смерти, лишала его всякой нравственной

энергии. А между тем при дворе образовывалась партия дофина, партия благо мыслящих, строгих католиков, сторонников всего испанского, не исключая и инквизиции. Повинуясь ее внушениям, король отказался от всякой поддержки протестантов, обязался помогать императору в его войнах против турок, а внутри страны все чаще и чаще уступал Сорбонне и фанатикам-католикам. Костры запылали в Тулузе, Ажане, Руане и Блуа. Маро, секретарь Маргариты Валуа, любимец двора, принужден был бежать из Франции, т. к. Сорбонна обвинила его в ереси за его перевод псалмов на французский язык. Де Перье, смелый и талантливый автор остроумных диалогов «Cymbalum Mundi», сожженных рукою палача, кончил жизнь самоубийством. Этьен Доле умер на костре в Париже за одну фразу в его переводах с греческого, истолкованную как отрицание бессмертия души.

Гуманисты чувствовали, что почва под ними колеблется, что надежда их на блаженство Телема рушится. Критическая мысль, свободное исследование, возбужденное ими, направились на вопросы религиозные и породили разные секты, из которых каждая с самым фанатическим изуверством отстаивала свои догматы и предавала проклятию всех, не соглашавшихся с ними.

Вероятно, Рабле разделил бы судьбу своих друзей и товарищей по убеждениям, если бы его не спасали сильные покровители. Братья Дю Белле до конца жизни Франциска пользовались почетом при дворе и милостями короля. Один из них, Гильом, известный своими военными за слугами, был назначен губернатором Пьемонта. В 1539 году он пригласил к себе Рабле в качестве домашнего врача и не расставался с ним до самой своей смерти в 1543 году.

Во все это время Рабле бывал во Франции только наездами, ненадолго, впрочем, нашел время проследить за новым изданием двух первых книг своего романа. Это издание вышло в 1542 году и значительно отличается от предыдущих. Изменения касались не сущности рассказа, а отдельных фраз и выражений. Некоторые поправки вызваны были желанием автора сгладить слог, но большинство обусловливалось печальными обстоятельствами времени, страхом подвергнуться преследованию. Так как главными врагами Рабле и вообще гуманистов были члены Сорбонны и клерикалы, то в угоду им слова «Сорбонна», «теолог» и все производные от них были исключены или заменены словами «софист», «ученый» и разными другими, более или менее удачными. Некоторые поправки сделаны, очевидно, в угоду королевской власти; так, фраза «иностранные народы удивляются терпению или, лучше сказать, глупости французских королей» явилась в издании 1542 года без слова «глупости». В описании

низких должностей, какие разные замечательные люди занимают на том свете, имена французских королей заменены другими: вместо Карла Великого поставлен Нерра, вместо Пепина — Тигран и т. п. Некоторые выражения, которые могли показаться кощунственными, совсем опущены.

После смерти Гильома Дю Белле младший брат его, епископ Монский, предоставил Рабле приход в своем епископстве. Рабле, как и многие священники того времени, пользовался доходами с этого прихода, но не был обязан жить в нем и исполнять священнические обязанности. Он по-прежнему проводил большую часть времени в Лионе или Париже и, кроме исправленного издания первых двух книг своего романа, приготовил к печати и третью книгу. Выпустив в свет эту третью книгу в начале 1546 года, Рабле, несмотря на то, что получил от короля разрешение печатать ее, побоялся оставаться во Франции и с радостью принял приглашение занять место врача при городской больнице в городе Меце.

ГЛАВА VII

Привилегия короля Франциска. — Разбитые надежды. — Третья книга «Пантагрюэля». — Четвертая книга

В 1545 году Рабле получил от короля Франциска разрешение на новое, исправленное издание двух первых частей своего романа и на напечатание третьей части его. В королевской привилегии, данной автору сроком на 10 лет, говорится: «Желая, чтобы литература распространялась в нашем королевстве на пользу и поучение наших подданных, мы даем вышепоименованному просителю привилегию, право и разрешение печатать и пускать в продажу через посредство избранных им опытных книгопродавцев вышеупомянутые книги, а также и имеющее появиться продолжение „Геройских подвигов Пантагрюэля“, том третий, и даем ему право и разрешение просмотреть оба вышеупомянутые первые тома, раньше сочиненные им». Перепечатка и издание книг без разрешения автора запрещались под страхом штрафа и строгого наказания.

Двенадцать лет прошло после выхода в свет первых двух книг истории Гаргантюа и Пантагрюэля. Много тяжелого пришлось видеть и испытать автору в этот промежуток времени. Та заря светлого будущего, которая виделась гуманистам в свободном развитии личности, в пробуждении пытливой мысли, оказалась миражем. Ряды их редели. Одних унесла смерть, другие пали жертвой фанатических преследователей, третьи обратили свой критический ум на выяснение и разработку тех религиозных вопросов, которые волновали толпу и сами впали в мистицизм, заразились духом узкой нетерпимости. Вместо ожидаемого братства народов и мирного процветания наук под покровительством просвещенных королей — Пантагрюэлей — всюду господствовали взаимная вражда, обманы, притеснения, гонения за веру, за убеждения.

Трудно было при такой обстановке сохранить непринужденную веселость, особенно человеку, которому было уже более 50-ти лет.

И действительно, в третьей части романа мы гораздо реже встречаем тот бесшабашный смех, ту игривую шутливость, которые характеризуют две первые. Гаргантюа является в ней почтенным добродетельным патриархом, у Пантагрюэля беспрестанно вырываются изречения, показывающие грустно-спокойное настроение, не чуждое некоторой доли

мистицизма.

При издании третьей книги Рабле отбросил свой старый псевдоним и подписался так: «Франсуа Рабле, доктор медицины и старшина (calloier) Гиерских островов». Книгу он посвятил Маргарите Наваррской, которая оставалась неизменной покровительницей всех гонимых за убеждения, хотя в последние годы часто впадала в мистицизм и заражалась суеверием.

Рабле обращается к ее «духу», «который, витая в небесах, своей родине, покинул ее благоустроенное (concords) тело, оставив его в апатии и бесчувствии», и призывает его «сойти с высот вечного, небесного жилища и послушать продолжение рассказа о веселых похождениях доброго Пантагрюэля». В предисловии автор объясняет, что заставило его снова взяться за перо. Он рассказывает, как коринфяне, узнав, что Филипп Македонский намерен напасть на их город, укрепляли его и деятельно готовились к обороне. Со своею обычною аккуратностью перечисляет он все работы, которые они делали, все оружие, которое они приводили в порядок. Философ Диоген смотрел на эту горячую работу и сам принялся за дело: он выкатил свою бочку на открытое место за городом и начал возиться с нею: он ее катал, поворачивал, опрокидывал, тер, встряхивал, поднимал, заколачивал и чуть не разбил на части. На вопрос одного приятеля, для чего он так мучится, философ отвечал, что среди народа, усердно занятого работой, он не хочет показаться праздным лентяем. «Так и я, — говорит Рабле, — вижу, что все во Франции трудятся, одни для защиты отечества от врагов, другие для нападения, и трудятся в таком порядке и благоустройстве, что я вместе с Гераклитом готов признать войну источником всяких благ. Меня не пустили к делу ни нападения, ни защиты, а мне стыдно быть праздным зрителем трагикомедии, которую разыгрывают наши храбрецы, и вот я решил покатать свою диогеновскую бочку, единственное оставшееся мне добро. Я откупорил ее для добрых, и только для них одних: пусть они пьют из нее сколько хотят, она никогда не иссякнет, на дне ее лежит надежда, как в ящике Пандоры, а не отчаяние, как в бочке Данаид. А вы, ругатели, лицемеры, ханжи! убирайтесь прочь, не скверните моего вина своим нечистым прикосновением!»

Рассказ начинается с того момента, на котором он остановился во второй части. Пантагрюэль, довершив завоевание Дипсодии, постарался заслужить любовь своих новых подданных, дав им новые справедливые законы и всячески заботясь об их благосостоянии. Между прочим, он переселил туда из Утопии (наследственных земель своей матери) 9 876 543 210 человек, не считая жен и детей. Все эти переселенцы были или искусные ремесленники, или люди, занимавшиеся либеральными науками,

и, кроме того, от самого рождения воспитанные в чувствах преданности и уважения к своему государю; поэтому, живя среди дипсодов, они могли способствовать процветанию их страны и своим примером развивать в них верноподданнические чувства. Вскоре дипсоды так привязались к своему новому государю, что не только не мечтали восставать против него, а напротив, роптали на богов, зачем они раньше не отдали их под власть доброго Пантагрюэля.

Награждая всех своих слуг и сподвижников, Пантагрюэль не забыл и Панурга. Он дал ему огромное поместье, приносившее очень большие доходы. Панург, недолго думая, в две недели прожил все эти доходы за три года вперед и ухитрился еще наделать долгов. Пантагрюэль заплатил его долги и стал кротко доказывать своему любимцу, как неразумна и вредна подобная расточительность.

Но Панург не мог согласиться с его доводами и уверял, что, напротив, счастлив только человек, имеющий долги, что только он живет согласно законам мирового развития. «Представьте себе, — рассуждал он, — мир, в котором никто никому ничего не дает и никто ничем не одолжается. Правильный ход светил нарушится, все придет в беспорядок. Юпитер, не считая себя обязанным давать что-либо Сатурну, лишит его сферы. Сатурн соединится с Марсом, и они произведут общий переполох. Меркурий не захочет подчиняться другим; Венера лишится поклонников, так как она никому ничего не будет обещать; Луна останется кровавою и темною, так как Солнце перестанет давать ей свет. Солнце перестанет освещать Землю, а светила — проявлять на нее свое доброе влияние, так как Земля откажется питать их своими испарениями. Всякая связь и взаимодействие стихий прекратятся, так как ни одна из них не захочет ничего одолжать другой; не будет ни дождя, ни света, ни ветра, ни лета, ни осени. Среди людей пойдет такая же рознь. Никто не будет заботиться о других, никто не придет на крик о помощи, не поможет другому. Никто никому ничего не должен, ничем не обязан. Вместо веры, надежды, любви водворится среди людей недоверие, презрение, злоба. В человеческом организме явится тоже безурядица. Голова не станет одолжать рукам и ногам зрение своих глаз; ноги не захотят носить ее, руки откажутся работать, сердце — биться и проч. и проч. Наоборот, представьте себе мир, где всякий занимает и всякий одолжает. Какая гармония в движении светил, какая симпатия между стихиями! Среди людей водворится мир, любовь, верность, покой, праздники, пиршества, веселье! Золото, серебро, мелкая монета, драгоценности и всякие товары будут переходить из рук в руки.

Не будет ни тяжб, ни войн, ни ссор, ни ростовщиков, ни скряг.

Милосердие и щедрость будут всюду царствовать, управлять, торжествовать. Настанет золотой век, век Сатурна. В человеческом организме установится та же чудная гармония, потому что и он подчинен закону, управляющему жизнью всего мира, — закону взаимного обмена, взаимного одолжения».

Пантагрюэль не убеждается доводами своего друга в необходимости делать долги, но снисходительно, даже с интересом выслушивает его теорию мировой гармонии. Точно так же снисходительно относится он к фантазии, неожиданно явившейся у Панурга, — фантазии жениться. Панург мечтает о прелестях супружеской жизни и в то же время боится, что жена станет его обманывать и сделает несчастным. Пантагрюэль не может разрешить его сомнений, и они прибегают к помощи разных гаданий, чтобы узнать судьбу Панурга: они гадают по стихам Вергилия, по снам, спрашивают совета у колдуна, у немого, объясняющегося знаками, у умирающего от старости — поэта, у астролога, хироманта, богослова, врача, юриста, философа и наконец у шута. Все получаемые ответы оказываются неясными, двусмысленными. Панург объясняет их в пользу брака, Пантагрюэль — против. Эти гаданья составляют главное содержание третьей книги и дают автору повод посмеяться над разными предсказателями, над духовными лицами, над учеными и в особенности над юристами. Старый, опытный судья, приглашенный высказать свое мнение по делу Панурга, не мог явиться в назначенный день, так как был вызван в парламент, чтобы объяснить некоторые свои приговоры, явно нелепые и несправедливые. На заседании парламента судья откровенно рассказывает процедуру, которой держался в течение 40 лет.

Он обыкновенно внимательно, не торопясь просматривал, раскладывал и приводил в порядок все документы, относящиеся к делу, и затем решал, кто из тяжущихся прав посредством бросания костей. Таким путем из четырех тысяч дел, подлежавших его рассмотрению, большинство было решено вполне верно и справедливо, что может засвидетельствовать парламент, утвердивший его приговоры. На вопрос, для чего же при таком способе требует он от тяжущихся всевозможных документов и затрудняет себя вознёю с этими документами, он объясняет, что это необходимо, во-первых, для формы, без соблюдения которой все производство дела оказывается недействительным; во-вторых, для собственного здоровья, так как перекладыванье и раскладыванье бумаг составляет очень полезное упражнение; в-третьих, для того, чтобы выиграть время и дать тяжбе созреть. С течением времени истина всегда является на свет, поэтому старый законник, как и все почтенные судьи,

старался всякое дело затянуть, отсрочить, отложить в долгий ящик, дать ему вдоволь отлежаться, а бумагам, относящимся к нему, накопиться как можно больше; тогда стороны, истратившие массу денег на разных адвокатов, клерков и т. п., рады какому бы то ни было окончанию разорительной тяжбы и спокойно принимают приговор не в свою пользу.

Убедившись в том, что никто из спрошенных советников не может дать им вполне основательного и определенного ответа, Пантагрюэль и Панург решаются обратиться к оракулу Божественной Бутылки (Dive Bouteille).

Оракул этот находится в далекой, неизвестной стране, за морями. Чтобы добраться до него, Пантагрюэль снаряжает целый флот и отправляется в дальнее плавание вместе со всеми своими сподвижниками.

Описание этого плавания составляет содержание четвертой книги. В прологе к ней звучат те же грустные ноты, которые должны были неизбежно являться у старого гуманиста, видевшего разрушение блестящих надежд своей юности. «Добрые люди! — восклицает в начале его Рабле. — Спаси и сохрани вас Господи! Где вы? Я вас не вижу! Дайте мне надеть очки!»

И дальше он советует всем добрым людям умерять как можно больше свои желания, ибо одни только умеренные желания могут рассчитывать на исполнение. «Всего лучше желать себе здоровья, одного только здоровья, этого не запрещает ни закон, ни король, а во всем остальном надеяться на милость Господа Бога». «Вы скажете, что Бог мог бы дать вам 78 тысяч так же легко, как одну тринадцатую половины, так как Он всемогущ и миллионы для него то же, что один обол. О-хо-хо-хо! Кто это научил вас толковать и рассуждать о могуществе и предопределении Божием? Ш-ш-ш-ш! Преклоняйтесь пред лицом Его и кайтесь в ваших прегрешениях!»

Путешествие Пантагрюэля и его сподвижников представляет ряд приключений, частью фантастических, даже нелепых, частью содержащих в себе более или менее ясные аллегории окружающей действительности. Иногда кажется, что автор преднамеренно впадает в шарж и гротеск, чтобы замаскировать свою мысль и безопаснее провести ее в свет.

Первый остров, к которому пристают путники, называется Медомати (по-гречески Нигде) и наполнен разными редкостями: необыкновенными зверями, меняющими свой цвет как хамелеон, картинами, изображающими идеи Платона и атомы Эпикура, и т. п.

На пути к следующему острову им встречается корабль. Панург ссорится с плывущим на нем хозяином овечьего стада и, чтобы отомстить за оскорбления, проделывает с ним известную злую шутку, которую

цитируют до сих пор, когда говорят о табунном чувстве толпы, о «Панурговом стаде». Он покупает одну овцу и бросает ее в воду, за ней немедленно кидается другая овца, третья, четвертая… все стадо и наконец сам хозяин, который хочет удержать глупых животных.

Затем наши путники посещают целый ряд земель, отличающихся необыкновенными странностями. На острове Сочетаний (Des Alliances) у всех людей носы имеют вид трефового туза и все жители между собой в родстве, но родственные названия у них удивительно перемешаны: старик называет трехлетнюю девочку «отец», а она ему отвечает «дочь моя», молодой человек говорит девушке: «Здравствуй, топорище!», а она ему: «Здравствуй, ручка!». Влюбленные следующим образом называют друг друга: яйцо и яичница, мякиш и корка, устрица и раковина и т. п. Идет постоянная игра словами, иносказаниями, метафорами. На острове Хели (Cheli, по-гречески Губы) король осыпает Пантагрюэля и его спутников самыми нежными ласками, но брат Жан должен потихоньку пробраться в кухню, чтобы отыскать что-нибудь более существенное, чем пустые любезности. На острове Прокуратуры живут кляузники, которые стараются об одном: быть побитыми. Тогда они вчиняют иск и бывают сыты. Если же их долго никто не бьет, они голодают и даже умирают от истощения. На островах Тохю-Бахю нельзя было ничего ни сварить, ни изжарить, так как великан Брингенариль проглотил все горшки, чугуны, сковороды и кастрюли за неимением ветряных мельниц, которыми он обыкновенно питался.

Миновав еще несколько островов, путешественники встретили девять кораблей, нагруженных монахами все возможных орденов. Все они ехали на собор в Шезиль рассуждать о разных догматах веры и вести споры с вновь появившимися еретиками. «Шезиль»;- по-еврейски звезда, предвестница бури; под этим собором Рабле, вероятно, подразумевал Тридентский собор, определивший окончательный разрыв между католиками и протестантами. Узнав о цели путешествия монахов, Панург, этот представитель философии массы, преисполняется радостью, просит святых отцов молиться за него и посылает им в дар множество колбас и окороков; гуманист же Пантагрюэль с грустным предчувствием следит за их удаляющимися судами.

Едва успели они скрыться из вида, как на море разражается страшная буря. Корабельщики и брат Жан напрягают все усилия, чтобы спасти судно, Пантагрюэль молится Богу, а Панург малодушно трусит, ничего не делает, только охает и жалуется. Зато, когда корабль благополучно пристает к берегу, он первый выскакивает на землю, командует и самым

искренним образом уверяет, что ровно ничего не боится, что ему страшна только опасность и больше ничего. Остров, к которому пристали наши путники, оказался обиталищем добродетельных старцев Макреонов. В огромном лесу, занимавшем большую часть его, кончали свой век благотворные демоны и герои. Пока они были живы, благосостояние и плодородие господствовали на земле, море было спокойным и благоприятным для путешественников. Но едва какой-нибудь из них умирал, на земле появлялись болезни, войны, разные бедствия, в воздухе — мрак и бури, на море — непогода и волнение.

Отдохнув у гостеприимных Макреонов, путешественники снова пустились в путь. Они проехали мимо острова Скрытного (Tapinois), не решаясь пристать к нему. На нем царствовал Quaresmeprenant, олицетворение поста, чудовище с двойной тонзурой, питающееся исключительно овощами и рыбой, щедро раздающее индульгенции и отпущения грехов, проводящее три четверти дня в слезах, ничего не производящее и считающее себя благочестивым католиком.

Чудовище находится в непрерывной войне со своими соседями «колбасами», жителями соседнего острова Сурового. «Колбасы» — это, очевидно, протестанты, разошедшиеся с католиками по вопросу о посте. Распря между обоими островами особенно обострилась после собора в Шезиле.

Спутники Пантагрюэля удивляются, откуда могли появиться на свет такие чудовища, и Пантагрюэль объясняет им это апологией, заимствованной у древних авторов. Физис (природа) породила Красоту и Гармонию; вечно враждебная ей Антифизис из зависти также захотела сделаться матерью и произвела на свет Безобразие и Раздор, уродов с шарообразной головой, ослиными ушами, глазами, сидевшими на каких-то костяных отростках, с руками и ногами, вывернутыми назад. Эти уроды ходили на головах и колесом. Антифизис всячески выхваляла красоту своих детей и утверждала, что их способ передвижения самый удобный и естественный, что человек непременно должен стоять на голове, а не на ногах, так как его волосы все равно, что корни дерева. Все глупые, бессмысленные, легкомысленные люди, лишенные здравого смысла, разделяли ее мнение. После этого она про извела на свет: ханжей, святош, папистов, безумных сектаторов, дьявольских кальвинистов, женевских обманщиков и других безобразных, противоестественных чудовищ.

«Колбасы», принимая Пантагрюэля за союзника своих врагов, идут на него войною, но скоро оказываются побежденными армией поваров, вооруженных всякою кухонною утварью и выступающих против них под

предводительством брата Жана.

Осмотрев мимоходом странный остров Рюаш, где все жители питаются исключительно воздухом и ветром, наши путники пристают к острову Папефигов. Это была когда-то богатая, цветущая страна, теперь же она обнищала, разорена и находится в подчинении у соседей-папиманов. Бедствие несчастных папефигов произошло от того, что однажды, придя на праздник в Папиманию, один из них показал фигу выставленному на поклонение изображению папы. В отмщение за это оскорбление своей святыни папиманы без объявления войны напали на остров, опустошили его, перебили на нем всех взрослых мужчин, а остальных обратили в рабство. Пантагрюэль щедро одарил золотом несчастных папефигов и направился к острову Папиманов.

Прежде чем корабль его пристал к берегу, навстречу ему выехала лодка с самыми почетными гражданами острова.

— Видали ли вы его, путники? — спрашивали они в один голос, — видали ли вы его?

— Кого? — осведомился Пантагрюэль.

— Его! Неужели вы не знаете Единственного?!

— Объяснитесь точнее! Мы не понимаем! Кто это?

— Сущий! Скажите, видали вы его когда-нибудь?

— Сущим, по учению наших богословов, называется Бог. Так он сам себя назвал Моисею. Мы его не видали, и никакой глаз смертного человека не может его видеть!

— Да мы говорим не о Боге, царящем там, высоко, в небесах, а о земном Боге. Не видали ли вы его когда-нибудь?

Оказывается, что речь идет о папе.

Узнав, что Панург видал трех пап — «без всякой пользы для себя», вставляет он мимоходом, — папиманы приходят в восторг, бросаются на колени перед нашими путешественниками и целуют им руки. Когда они высадились на берег, их встретила толпа народа и, услышав, что «они его видели», опустилась перед ними на колени и приветствовала их криками: «Блаженные, трижды блаженные! Они его видели!» Пришел школьный учитель со своими учениками и принялся тут же сечь мальчиков, чтобы запечатлеть в их памяти этот торжественный день; явился епископ острова Гоминец в сопровождении торжественной процессии с крестами, хоругвями, балдахинами, факелами. Епископ повел путников прежде всего в храм и показал им список декреталий, толстую книгу, украшенную драгоценными камнями, и изображение папы, до которого он благоговейно касался жезлом, давая затем целовать этот жезл верующим.

— Мне кажется, — заметил Панург, — что этот портрет не похож ни на одного из наших последних пап: я видел их не в священническом облачении, а в шлеме и вооружении. Когда все христианские страны были в мире, они вели жестокие войны.

— Вероятно, — сказал Гоминец, — с отступниками, еретиками, отчаянными протестантами, не повинующимися святому земному богу. Наши священные декреталии не только разрешают, но даже повелевают ему предавать огню и мечу императоров, королей, герцогов, князей и республики, если они хоть на йоту отступят от его велений. Он может лишить их имущества и владений, предать изгнанию и проклятию, перебить детей и всех родственников их, низвергнуть души их в самый кипучий котел, какой только есть в адской бездне!

— Ну, а у вас тут, — заметил Панург, — наверно не найдется ни одного еретика, не то что где-нибудь в Германии или Англии. Вы ведь все христиане просеянные, на подбор?

— Да, это правда, — отвечал Гоминец с убеждением, — мы все будем спасены.

После обедни, во время которой церковные служители собирали с верующих деньги для «тех, кто его видел», Гоминец повел своих гостей обедать в гостиницу. Собранные в церкви деньги должны были оплатить угощение, и оно вышло весьма обильное. Вино лилось рекой, а за столом прислуживали красивые, ловкие и нарядные девушки. Утолив голод и выпив большой кубок вина, Гоминец принялся прославлять декреталии. «О серафимские, херувимские, евангельские декреталии! — в восторге восклицал он. — Как вы необходимы для спасения бедных смертных! И когда это снизойдет на людей такая благодать, что они откажутся от всех прочих знаний и трудов, чтобы вас читать, понимать, узнавать, применять на практике, претворять в кровь и мозг, в мозжечок костей и в лабиринт артерий! Тогда, и только тогда счастье водворится в мире. Тогда не будет ни града, ни морозов, ни стужи, ни инея. По всей земле распространится изобилие и общий нерушимый мир. Не будет ни войн, ни грабежей, ни убийств, конечно за исключением избиения еретиков и проклятых бунтовщиков… О глубина учености, неоцененная мудрость, божественное знание, увековеченные в разных главах этих вечных декреталий!.. Прочтите полканона, маленький параграф, какой-нибудь отрывок святейших декреталий, и вы почувствуете, как в сердцах ваших зажжется очаг божественной любви, милосердия к ближним, за исключением еретиков; презрение ко всему земному и преходящему, парение духа, даже до третьего неба, удовлетворение всех ваших душевных потребностей».

Долго говорил Гоминец на эту тему. По его словам, весь мир держится на декреталиях. Он пришел в настоящий экстаз, потел, хохотал, целовал сложенные крестом кончики своих пальцев, наконец расплакался и стал бить себя в грудь. Эпистемон, брат Жан и Панург не выдержали этого зрелища: они закрылись салфетками, притворяясь, что плачут и громко кричали: «Мяу, мяу, мяу!»

После обеда наши путники распрощались с папиманами и в благодарность за их гостеприимство пообещали упросить папу когда-нибудь посетить своих верных почитателей.

Следующие затем главы четвертой книги представляют меньше интереса. Путешественники встречают в одном месте старые слова, замерзшие в воздухе и оттаивающие в их присутствии, и затем посещают остров, где царит Гастер (Gaster — желудок), изобретатель всех искусств и ремесел, властелин суровый, неумолимый, жестокий. Ему повинуются не только люди, но и все твари земные. Описание приносимых ему жертв составляет длинный список скоромных и постных кушаний всех сортов. После этого они проезжают еще несколько островов, скучают во время штиля, болтают, пируют, и книга заканчивается комическими выходками Панурга, над трусостью которого все смеются.

ГЛАВА VIII

Новый король. — удаление в Италию. — Враги и покровители. — Привилегия Генриха II. — Священник в Медоне. — Смерть. — Пятая книга

Четвертая часть романа Рабле вышла в свет уже после смерти Франциска I и не вся сразу. Пролог и первые главы ее были изданы в 1547 году, а остальные — только спустя пять лет, в 1552 году. Со вступлением на престол Генриха II католическая партия могла действовать беспрепятственно. Сотни семей, заподозренных в еретических мнениях, поспешили спастись бегством в Швейцарию и Германию, свободомыслящие советники старого короля были удалены от двора. Семейство Дю Белле попало в немилость и кардинал Жан принужден был отказаться от всех своих административных должностей. Он оставил Париж и удалился в Рим, надеясь найти защиту от врагов под сенью папского престола. Рабле вскоре последовал туда за ним и года два-три прожил в Италии. Единственное литературное произведение, дошедшее до нас из этого периода его жизни, — это «La Sciomachie», подробное описание турнира и праздников, данных кардиналом Дю Белле в честь рождения второго сына короля Генриха.

Между тем во Франции роман Рабле вызвал бури негодования. Один монах, Пью-Гербе, издал диалог, в котором доказывал страшный вред, происходящий от распространения дурных книг, и в числе этих книг одно из первых мест отводил «Пантагрюэлю». Он упрекал автора в безбожии, в богохульстве, в глумлении и над святынями веры, и над почтенными людьми; выставлял его пьяницей, обжорой, циником, человеком вполне безнравственным и удивлялся, как мог он найти поддержку у такого сановника церкви, как кардинал парижский. «Хорошо, если он и его пантагрюэлизм скрываются в Женеве или если он совсем исчез со света! — восклицал озлобленный критик. — Мы слышали, что при вступлении на престол нынешнего государя он бежал в Рим за толпой отставленных и изгнанных кардиналов».

К счастью для Рабле, не все духовные лица Франции разделяли мнения свирепого монаха. Несмотря на господство католической реакции и на ожесточение, с каким преследовались еретики, многие из сановников

церкви втайне склонялись и к протестантизму, и к свободомыслию, многие зачитывались романом Рабле и от души хохотали над скоромными шутками Панурга и брата Жана. Один из членов всесильной в то время фамилии Гизов, кардинал Гиз, вел постоянную переписку с Рабле, другой, кардинал Оде, епископ-граф Бове, племянник Монморанси, давно знал его и покровительствовал ему.

Благодаря этим могущественным защитникам Рабле мог безопасно вернуться во Францию в 1550 году. Мало того: герцог и герцогиня Гиз предложили ему место священника в своем поместье Медоне, а кардинал Оде выхлопотал ему от нового короля такую же привилегию на издание и продажу его книг, какую он имел уже от короля покойного. «От нашего любезного Франсуа Рабле, доктора медицины, было нам заявлено, — говорится в этой привилегии, — что он в прежнее время напечатал несколько книг греческих, латинских и французских, а также несколько томов „Геройских подвигов Пантагрюэля“, книг поучительных и приятных; типографщики же изменили, исказили, испортили эти книги во многих местах и напечатали под именем просителя многие другие скандальные книги к его великой досаде, ущербу и бесславию»; на основании всего этого запрещалось в течение 10 лет кому бы то ни было перепечатывать или издавать без разрешения Рабле его произведения, ему же предоставлялось право исправить и вновь издать свои старые книги, а также выпустить в свет продолжение «Геройских подвигов Пантагрюэля».

Пользуясь этим разрешением, Рабле стал готовить к печати последние главы четвертой книги своего романа. Он жил в это время в Медоне и, по-видимому, серьезно относился к своим священническим обязанностям. По крайней мере, местное предание сохранило рассказы о том, что он учил детей грамоте и Катехизису, посещал больных и бедных, говорил по воскресеньям проповеди, на которые съезжались слушатели из Парижа, что он устраивал на лугу перед своим домом игры и танцы для местной молодежи.

В начале 1552 года вышла в свет вся четвертая книга «Пантагрюэля» целиком, с привилегией короля и посвящением кардиналу Оде. Несмотря на эту привилегию и это посвящение богословский факультет наложил свою цензуру на «вредную книгу», продаваемую под заглавием «IV книга Пантагрюэля», а парижский парламент потребовал к себе на суд книгопродавца и под угрозой телесного наказания запретил ему в течение двух недель продавать эту книгу; между тем королевский прокурор должен был сообщить королю постановление факультета и представить все дело на его благоусмотрение. Покровителям Рабле еще раз удалось спасти его, как

и его произведение. Генрих II разрешил беспрепятственную продажу книги, но чтобы несколько смягчить ярость своих противников, Рабле пришлось отказаться от обоих своих приходов.

Он провел последний год жизни в Париже, где и скончался в 1553 году. О его смерти ходят разные легендарные рассказы, в которых он представляется шутником, вечно смеющимся остряком, которого даже близость могилы не могла сделать серьезным…

После смерти Рабле осталось продолжение его романа, написанное вчерне; несколько вполне отделанных глав, несколько набросков и вариантов одного и того же текста. Через девять лет нашелся издатель, который из этих черновиков составил «Пятую и последнюю книгу подвигов доброго Пантагрюэля, сочинение Франсуа Рабле». Принадлежит ли вся эта книга перу Рабле или многие частности ее следует приписать самодеятельности издателя — решить трудно. В некоторых главах заметно повторение старых острот и длинноты, которые сам Рабле, вероятно, не допустил бы, если бы окончательная редакция принадлежала ему. Некоторые выходки отзываются кальвинизмом, который, в сущности, был противен Рабле не менее, чем папизм. Но в главных чертах это несомненно произведение того же остроумного автора, который создал Пикрошоля, судью Бридуа и Гоминеца.

Первая глава пятой книги приводит нас на остров Звенящий. Подъезжая к нему, путники поражены странным гулом и звоном, который наполняет воздух. Пустынник, живущий в скале около этого острова, заставляет их поститься четыре дня и затем дает им рекомендательное письмо к маленькому лысому старичку, смотрителю острова, который и знакомит их со всеми достопримечательностями этой страны. Оказывается, что вся она населена разноцветными, хорошо откормленными птицами, которые сидят в больших клетках и на звон колоколов, приделанных к этим клеткам, поют разными, более или менее стройными голосами. Зовут этих птиц, самцов: Clergaux, Monagaux, Prestregaux, Abbegaux, Evesgaux, Cardingaux и Papegaux (единственный в своем роде), а самок: Clergesses, Monagesses, Prestregesses, Abbegesses, Evesgesses, Cardingesses, Papegesses (производные от слов: церковнослужитель, монах, священник, аббат, епископ, кардинал и папа). Кроме того, на остров налетает масса безобразных Ханжей (cagots), которые грязнят и загаживают всю землю и от которых нет никакой возможности избавиться. На вопрос Панурга, откуда появились все эти птицы, ему объясняют, что клерго прилетели из разных заморских стран, в которых существует обычай — чтобы не дробить состояния между многими детьми — некоторым из них, как

мальчикам, так и девочкам, выдергивать клочок волос из головы и превращать их таким образом в птиц. От клерго рождаются претрго и монаго; от претрго — евего, а от них — красивые кардинго, один из которых превращается в папего. Папего всегда бывает только один, как царица в улье пчел; когда однажды случайно явилось два, между птицами поднялась такая свара и битва, что они едва все не погибли. Все эти птицы не жнут и не сеют, не делают никакой работы, а между тем и пьют, и едят вдоволь. Смотритель объяснил, что они получают богатые дары и всевозможные припасы изо всех заморских земель, «кроме нескольких северных стран, которые вздумали в последнее время выводить на свет Божий все, что было шито да крыто». Панургу приходит в голову пустить камнем в голову одного толстого евего, который преспокойно храпит, несмотря на то, что хорошенькая абегесса распевала около него самые сладкие песенки, но смотритель поспешил удержать его. «Добрый человек, — сказал он ему, — бей, колоти, избивай и убивай всех, все простит тебе папего; но не трогай священных птиц, если тебе дорога жизнь и благосостояние твое, твоих родных и знакомых, как живых, так и умерших; твое преступление будет взыскано даже на потомках их, еще не родившихся в свет». Путникам удалось, хотя не без труда, увидать пресловутого папего. Он оказался простым удавом и сидел вместе с несколькими прислуживавшими ему евего и кардинго в большой клетке около бассейна, из которого мог всегда, когда хотел, вызвать гром, молнию, бурю и чертей. Затем вдоволь угостившись вкусными припасами из никогда не пустеющих кладовых Звенящего острова, они вернулись на свой корабль.

После этого они пристали к острову Железных орудий, где на деревьях росли всякого рода инструменты и оружие, а трава представляла из себя готовые ножны, ручки, втулки и прочее, потом к острову Плутней, на котором жили чертенята, поминаемые обыкновенно при всех азартных играх, и наконец — к острову Мохнатых кошек. Мохнатые кошки — злобные, жадные чудовища с крепкими когтями, покрытые шерстью, которая растет у них не поверх кожи, а внутрь (намек на традиционные мантии французских судей, подбитые мехом). Они жгут, четвертуют, обезглавливают, увечат, засаживают в тюрьмы, разоряют и уничтожают, не различая добра от зла. Порок они называют добродетелью, злость — добротою, измену — верностью; они приносят людям больше зла, чем чума, голод, война, злоупотребления римского двора, ереси и ложные пророки. Пантагрюэль и его спутники оказываются арестованными по распоряжению предводителя мохнатых кошек и должны явиться к нему на

суд. Он предлагает им загадку и грозит самыми страшными пытками, если они ее не отгадают. Но Панург догадывается бросить ему мешок с золотом. Мохнатые кошки с жадностью набрасываются на золотые монеты, председатель суда объявляет преступников оправданными и позволяет им беспрепятственно продолжать свое путешествие.

Следующий остров населен Апедефтами (невеждами), — намек на то, что от служащих в счетной палате не требовалось образовательного ценза. Разные бюро этой палаты представлены под видом давилен, а плательщики — под видом виноградных гроздей, из которых тщательно выжимают весь сок.

Затем, посетив остров Outre, все жители которого до того разжирели от объедения, что стали похожи на готовые лопнуть мехи, путники пристают к царству Квинтэссенции, или Энтелехии, главная гавань которого называется Ложная Наука. Царица этого острова, крестница Аристотеля, говорит необыкновенно витиевато, питается исключительно категориями, отвлечениями, антитезами, метампсихозами и т. п. Ее придворные ведут бесконечные споры о разных философских вопросах, например: о тени осла, о дыме фонаря, о том, шерсть ли — козий пух, и т. п. Они режут огонь ножом, черпают воду решетом, измеряют прыжки блох, доят козлов, стригут ослов и прочее. Царица считает путников за пифагорейцев, потому что они молчат, пораженные ее «кудреватыми» речами, принимает их очень любезно, угощает, записывает в число своих «абстракторов», обязанных отделять от земной материи простую и чистую сущность, душу и внутреннее совершенство, и дает в честь их бал, на котором ее придворные исполняют древние танцы и бьются на турнире, изображающем шахматную доску.

Из остальных островов наиболее разработано описание острова Деревянных Башмаков, на котором путники посещают недавно открытый монастырь братьев Фредон (Fredon, одного корня с fredonner — петь вполголоса, под сурдинку; есть указание, что Рабле подразумевал возникший в его время орден иезуитов). Братья острова соблюдают посты, говорят мало и односложно, усердно молятся Богу, взаимно бичуют друг друга, ложатся спать не иначе как в одежде и в сапогах со шпорами, чтобы всегда быть готовыми явиться на Страшный суд, но в нижнем этаже своего монастыря скрывают массу красивых женщин, с которыми развратничают, не стесняясь.

Посетив еще несколько мелких островов, путешественники достигли, наконец, острова Светочей, где все жители испускали из себя лучи света и питались исключительно светом. Там увидели они светочи Аристофана,

Эпиктета, большой светоч права, светочи медицины и прочее. По предложению царицы острова они выбрали один из этих светочей в проводники себе, и он привел их к оракулу Божественной Бутылки.

Пребывание у оракула окружено торжественною обстановкою и разными таинственными символами. Сначала путники идут виноградником, в котором собраны лозы всевозможных сортов, покрытые одновременно листьями, цветами и плодами. Каждый из них должен съесть три ягоды, положить в обувь виноградных листьев и взять в руки зеленую ветвь. Затем они проходят под античной аркой, украшенной с одной стороны изображением разных бутылок, штофов, бочонков, бочек, стаканов и т. п., а с другой — изображениями различных соленых закусок. Арка кончается широким туннелем из виноградных лоз и плюща, листьями которого наши путники должны покрыть себе головы. При этом проводник объяснил им, что проход под виноградным туннелем ознаменует покорность вину, лица же, желающие предаться созерцанию божественных предметов, должны сохранять полное спокойствие ума и чувств, потому-то в их обувь положены виноградные листья как знак того, что они стоят выше наслаждения, что они презирают и попирают пьянство. Путники спускаются под землю по лестнице, состоящей из мистического числа ступеней — 108, и останавливаются перед великолепно изукрашенными дверями, над которыми красуется греческая надпись золотыми буквами: «В вине правда». Двери открылись сами собой; пол храма был украшен чудной мозаикой, а стены и потолок рас писаны картинами, изображавшими победы Вакха в Индии; все это освещалось яркой, как солнце, лампадой, висевшей над фонтаном чудной красоты. Подробное описание всех архитектурных и скульптурных украшений этого фонтана сделано Рабле с обычной точностью. Главная жрица оракула, Bacbuc (по-гречески Бутылка), приветливо встречает путников и приглашает их выпить воды из фонтана. Они пьют и находят воду превосходной; тогда она велит им пить ее, представляя себе вкус какого-нибудь вина. И вот Панургу кажется, что он пьет отличный Бон, брату Жану — вэн-де-Грав, Пантагрюэлю — Мирево и т. д. «Пейте сколько хотите, и каждый раз вы почувствуете вкус и запах того вина, о котором будете думать, — говорит им жрица. — Это убедит вас, что для Бога нет ничего невозможного». Затем жрица спросила, кто желает услышать пророческое слово Божественной Бутылки. Отозвался Панург. Тогда она одела его в фантастический костюм и свела в особую капеллу, где, полупогруженный в воду фонтана, стоял чудный сосуд. Панург должен был проделать разные таинственные манипуляции, кланяться до земли, целовать края фонтана,

петь священные песни и затем слушать… «Trinc» (чок), — вдруг раздалось внутри бутылки. «Что это? Она, должно быть, лопнула!» — вскричал Панург, не поддававшийся чувству благоговения. «Друг, — возразила ему жрица, — благодари небеса! Тебе недолго пришлось ждать слова Божественной Бутылки. Это слово — самое радостное, самое божественное, самое правдивое из всех, какие я слышала за все время моего служения священному оракулу!» Затем, вернувшись с Панургом в главную залу, она при всех объясняет значение звука, произнесенного оракулом. «Это слово, — говорит она, — общенародное, обще человеческое, всем известное, всем понятное и означает: пейте! Не смеяться, а пить — вот свойство исключительно человеческое; но пить не воду, как животные, а хорошее, свежее вино! Вы видели надпись на вратах храма: „В вине правда!“ Божественная Бутылка отсылает вас к нему же; из него вы сами узнаете, что ждать от вашего предприятия».

Путники пьют священную воду и, придя в поэтический восторг, начинают говорить стихами. Перед отходом жрица напутствует их благословением: «Идите, да хранит вас та интеллектуальная сфера, центр которой повсюду, а окружность нигде и которую мы называем Бог! (Древнее определение Божества, повторенное впоследствии Паскалем.) Идите и поведайте вашему миру, что под землей открываются великие сокровища и дивные чудеса. Здесь, в этих подземных областях, мы считаем высшим благом не брать и принимать, как у вас на земле, а давать и расточать. Пусть ваши философы не жалуются на то, что древние обо всем писали и им не осталось открывать ничего нового. Если они обратятся к изучению того, что скрыто в земле, они узнают столько, что вся наука их предшественников покажется сравнительно ничтожной. Если они будут работать добросовестно и усердно, они убедятся в справедливости ответа, данного мудрым Фалесом египетскому царю Амазису. На вопрос, в чем состоит благоразумие, мудрец отвечал: „Во времени“. Время открыло и еще откроет много скрытых тайн, потому-то древние и называли Сатурна, Время, отцом Истины, а Истину — дочерью Времени».

Жрица снабжает путников дарами, которые должны облегчить им обратный путь, и они, выразив ей свою искреннюю признательность, возвращаются на корабли.

На этом кончается роман. Последние страницы его страдают неясностью, неполнотою, недосказанностью, может быть, преднамеренною, а может быть, случайною, вследствие того, что автор не успел окончательно отделать свое произведение. Во всяком случае, программа деятельности гуманиста, разочаровавшегося в широких мечтах

своей юности, высказывается в них довольно определенно: оставьте всякие астрологические и схоластические бредни, изучайте трудолюбиво видимый, реальный мир, и вы приобретете знания, о каких не смели мечтать древние. Не отчаивайтесь, если тайны природы будут открываться вам медленно, постепенно, если тупость и невежество будут восставать против открытий науки, — верьте в могучую силу времени, которое все тайное выведет наружу и даст в конце концов истине победу над ложью…

Источники

1. Louis Moland. Francois Rabelais, tout ce qui existe de ses juvres: Gargantua — Pantagruel *etc*. precede d'une vie de l'auteur d'apres les documents les plus recemment decouverts et les plus authentiques.

2. Jean Fleury. Rabelais et son juvre.

3. Gebhart. Rabelais, la rennaissance et la reforme.

4. Michelet. La reforme.

5. Г. Вебер. Всеобщая история. Тт. 9 и 10.

6. А. Веселовский. Всеобщая литература. (Лекции, читанные на Высш. женских курсах в 1878-79 гг.)

7. А. Веселовский. Рабле и его роман («Вестник Европы», 1878, № 3).

---

notes

Примечания

1

«Врач поневоле» *(фр.)*.